

У КАРТЫ ТИХОГО ОКЕАНА

Информационно-аналитический бюллетень №45 (243)

**Национальные стратегии освоения Арктики
и будущее Арктического региона**
(По материалам круглого стола)

Центр азиатско-тихоокеанских исследований
ИИАЭ ДВО РАН

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН продолжает выпуск информационно-аналитического бюллетеня «У карты Тихого океана».

Бюллетень издавался с 1974 по 1991 г.

Цель издания: научно-информационное обеспечение мероприятий правительства РФ и региональных властей Дальнего Востока по интеграции России в АТР.

Структура, периодичность выхода и содержание бюллетеня меняются в зависимости от насыщенности, значимости и направленности текущих событий в регионе.

Главными принципами подбора и публикации материалов в бюллетене являются:

- оперативность в освещении событий;
- достоверность информации;
- ориентация не на описание прошедших событий, а на оценку их влияния на будущее и прогноз развития ситуации;
- практическая значимость.

Бюллетень распространяется по подписке в бумажном и электронном вариантах. С электронной версией издания можно ознакомиться на сайте <http://www.ihaefe.org>

При использовании материалов бюллетеня ссылка на него обязательна.

ISSN 2304-4586 (Print)

ISSN 2304-4632 (Online)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В.Л. Ларин (главный редактор), А.С. Ващук, А.П. Герасименко, С.Г. Коваленко, Е.Н. Чернолуцкая, А.Е. Савченко (ответственный секретарь)

Содержание

Предисловие	4
Песцов С.К. Стратегия и политика России в Арктике	6
Колегова Е.А. Новая арктическая стратегия Японии и интересы Японии в регионе.....	19
Толстокулаков И.А. Национальная арктическая стратегия Республики Корея	25
Болдырев В.Е. Расстановка политических и общественных сил и векторы арктического курса США и Канады	33
Зайцев Ю.М. Использование подводных лодок ВМС США в исследовании Северного Ледовитого океана	36
Дискуссия	47

Предисловие

12 мая 2016 г. в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН состоялся круглый стол «Национальные стратегии освоения Арктики и будущее Арктического региона». Организатором мероприятия выступил Центр азиатско-тихоокеанских исследований ИИАЭ ДВО РАН. Круглый стол проводился в рамках исследовательского проекта «Интересы и политика государств Азиатско-Тихоокеанского региона в Арктике: вызовы и возможности для России», выполняемого по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации». Он явился продолжением состоявшегося в ноябре 2014 г. круглого стола на тему «Арктика в современной мировой политике: место в национальных внешнеполитических интересах».

Целью встречи экспертов стал анализ официальных арктических стратегий ведущих государств АТР: Российской Федерации, Республики Корея, Японии, Китайской Народной Республики, США и Канады. Основное внимание было уделено выявлению сходства и различий в национальных программах изучения и освоения арктической зоны, поиску возможностей для взаимовыгодного международного сотрудничества. Были определены основные вызовы, с которыми может столкнуться Россия в результате реализации арктической политики соседних стран.

В ходе круглого стола были заслушаны сообщения экспертов Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИИАЭ ДВО РАН. В дискуссии приняли участие другие сотрудники ЦАТИ, а также ведущие специалисты научно-исследовательских институтов, представители государственных учреждений и общественных организаций г. Владивостока.

Тексты докладов представлены в авторской редакции, стенограмма дискуссии приведена в сокращенном виде.

По итогам дискуссии материалы круглого стола дополнены статьёй доцента ТОВВМУ Зайцева Ю.В. «Использование подводных лодок ВМС США в исследовании Северного Ледовитого океана», иллюстрирующей один из компонентов военной стратегии США в зоне Арктики.

Модератор круглого стола В.Л. Ларин, д-р ист. наук, профессор, директор Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН

В.Л. Ларин: Сегодня мы продолжаем работу по арктической проблематике. Напомню, что 13 ноября 2014 г. был проведен первый арктический семинар, который был посвящен той же проблеме, но отличался взглядом с другой стороны – со стороны академической общественности. Мы вели речь о возможностях ряда стран вести арктические исследования и участвовать в освоении Арктической зоны.

Продолжая эту тему, мы должны проанализировать национальные стратегии наших соседей по освоению Арктики, которые могут оказать существенное влияние на будущее Арктического региона. Тема тем более актуальна, что на июнь текущего года назначено заседание Совета безопасности Российской Федерации по проблемам Арктики. Ожидается, что Российская Академия наук предоставит там свой доклад.

Материалы первого круглого стола, а также отчет института по прошлогодней части исследовательского проекта «Интересы и политика государств Азиатско-Тихоокеанского региона в Арктике: вызовы и возможности для России», выполняемого по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации», мы передали в Президиум РАН. Уверен, что наши наработки были использованы при подготовке доклада РАН. Более того, в Президиуме РАН ждут материалы сегодняшнего обсуждения, я пообещал Александру Ивановичу Ханчуку, который курирует данный проект, что пришлю их, чтобы и они могли быть использованы при подготовке к предстоящему заседанию Совета безопасности.

Со времени проведения первого круглого стола, произошло немало интересного: и с точки зрения развития самого арктического региона, и с точки зрения изменения и конкретизации подходов к нему различных стран, появились новые документы и исследовательские материалы. Полагаю, что нами накоплен достаточный багаж, чтобы по итогам реализации арктического проекта институт подготовил коллективную монографию. Работы у нас много, уверен, что сегодняшняя встреча станет основой для подготовки монографии, и отчета по проекту. Тема Арктики не только не угасает, но становится все более и более актуальной с разных точек зрения: и с академической, и с политической, и с военно-стратегической.

Стратегия и политика России в Арктике

Песцов С.К.,

д-р полит.наук, профессор

За последние несколько лет Арктика неожиданно приобрела необычайную экономическую и стратегическую значимость в российском общественно-политическом дискурсе. Сам по себе данный факт, если оставить в стороне его столь стремительную актуализацию, имеет под собой вполне очевидное объективное обоснование. Действительно, Россия является крупнейшим арктическим государством с самой протяженной границей в этой части мира. Она внесла чрезвычайно важный вклад в научное изучение Арктики. Ею давно ведется, пусть и не во всем успешное, хозяйственное освоение своих северных территорий. Однако с начала 1990-х годов всякая активность РФ в Арктической зоне почти на десятилетие пришла в упадок¹.

Современная российская арктическая политика: предыстория

Первые шаги по возвращению в Арктику, во многом определившие современную стратегию, были предприняты Россией в конце 1990-х годов. В 1997 году РФ ратифицирует Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года². Необходимость этого шага обосновывалась тем, что это служит гарантией обеспечения интересов России и обеспечивает гарантию против выдвигания необоснованных территориальных претензий³. Однако, как полагают некоторые отечественные эксперты сегодня, «российской стороной вряд ли были серьезным образом просчитаны все политико-правовые последствия присоединения к Конвенции. Скорее всего, это был типичный для тех лет жест доброй воли, направленный на создание положительного имиджа нашей страны»⁴. Почти сразу же после присоединения к Конвенции – 16 июня 1997 года – тогдашним премьер-министром России В.С. Черномырдиным было подписано Постановление Правительства № 717 «О порядке утверждения перечня географических координат точек, определяющих линии внешних границ континентального шельфа Российской Федерации»⁵. Именно этот документ стал основой для подготовки первой российской заявки о расширении границ континентального шельфа в Арктике, поданной в Комиссию ООН в 2001 году. Следует признать, что никакой особой срочности с обращением по этому

¹ Россия в Арктике. Вызовы и перспективы освоения. Доклад, подготовленный рабочей группой Института национальной стратегии под ред. М.В. Ремизова. М.: Книжный мир, 2015. С. 19.

² Данная конвенция вступила в силу 16 ноября 1994 года.

³ Российские рыбаки и военные получают право // Коммерсантъ. № 217. 18.12.1996. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.komersant.ru/doc/245145>.

⁴ Гудеев П.А. Арктическая политика России: старые ошибки и новые возможности // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mir-politika.ru/3512-arkticheskaya-politika-rossii-starye-oshibki-i-novye-vozmozhnosti.html>

⁵ Постановление Правительства РФ от 16 июня 1997 г. N 717 «О порядке утверждения перечней географических координат точек, определяющих линии внешних границ континентального шельфа Российской Федерации». // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/11900727/#ixzz482jn1ok8>

вопросу не было. Для всех государств, присоединившихся к Конвенции ООН по морскому праву до 1999 года, был установлен предельный срок подачи соответствующей заявки в Комиссию по границам континентального шельфа вплоть до мая 2009 года. Норвегия, первой присоединившаяся в 1996 году к Конвенции, предприняла аналогичный шаг только в 2006 году и получила одобрение Комиссии в 2009 году. Канада и Дания, ставшие полноправными участниками Конвенции в 2003 и 2004 годах, вообще первоначально предполагали подготовить свои представления в Комиссию, соответственно, к 2013 и 2014 годам⁶. В качестве одной из гипотез, объясняющих выбор момента для подачи российской заявки, иногда высказывается мнение о его связи с присутствием в то время среди членов Комиссии по границам континентального шельфа российского представителя, что воспринималось как достаточная гарантия успеха⁷.

Как бы то ни было, своими действиями Россия не только не достигла желаемого результата, но и нарушила хрупкое равновесие, долгие годы сохранявшееся в отношении исторически сложившегося особого правового режима арктических пространств. «Российская заявка 2001 года привела к тому, - полагает П.А. Гудеев, - что другие арктические государства были фактически лишены возможности выбора каких-либо иных возможных вариантов, кроме как **проведения линии разграничения между континентальным шельфом и Международным районом морского дна**. Такой сценарий предполагает дополнительный уровень интернационализации центральной части Арктики в интересах всего мирового сообщества»⁸. Сама Россия при этом теряла суверенные права на 1,7 млн. км² своего арктического сектора⁹.

Как известно, российская заявка 2001 года была оставлена Комиссией ООН без утверждения в связи с недостаточностью приведенных в ней доказательств. С этого времени РФ пытается найти в арктических льдах более убедительные доказательства своих претензий. Однако даже у самих российских ученых имеются разные точки на то, как продвигается «процесс доказывания обоснования» границ нашего шельфа. «Хотя финансирование увеличивается, - констатирует заместитель директора ФГУ Научно-производственного предприятия по морским геологоразведочным работам «Севморгео» В. Кацев, - мы все равно не решаем те задачи, которые стоят перед нами. Надо бурить, чтобы определить - какая природа у фундамента шельфа - континентальная или океаническая. ...Поэтому надо бурить. Но бурить нам нечем»¹⁰.

Эволюция российской стратегии в Арктике: объективные основы и приоритеты

⁶ Гудеев П.А. Арктическая политика России: старые ошибки и новые возможности // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mir-politika.ru/3512-arkticheskaya-politika-rossii-starye-oshibki-i-novye-vozmozhnosti.html>

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Ковалев А. Международно-правовой режим Арктики и интересы России // Индекс безопасности. № 3-4 (90-91). Т. 15. Осень – зима 2009. С. 116, 121.

¹⁰ Зачем мы тратим миллионы, доказывая, что арктический шельф наш // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.online812.ru/2011/03/11/005/>

Фундаментальные причины и факторы, обуславливающие резкое возрастание значимости Арктики и, соответственно, обострение геополитического соперничества, с российской точки зрения могут быть сведены к четырем основным. Во-первых, это сохраняющийся в настоящее время юридически неопределенный статус национальных границ в регионе. Во-вторых, богатство находящихся в его недрах ресурсов. В-третьих, стратегическое значение транспортных артерий арктического региона»¹¹. Именно эти обстоятельства, главным из которых признается ресурсный фактор, чаще всего воспроизводятся в ходе публичных обсуждений арктической проблематики в российской прессе и специальной литературе. Гораздо реже внимание акцентируется еще на одном факторе, который, особенно в последние годы, становится определяющим при выработке арктической стратегии России. Им является нарастающее ощущение опасности в связи с «открывающимися» северными границами¹².

Первые три фактора, предполагавшие высокий уровень международной кооперации, определяли, по мнению российских наблюдателей, арктическую стратегию и политику России на протяжении 2001 – 2010 годов. В этот период РФ логично выдвигала **«вопросы международного сотрудничества на передний план официальных и общественных дискуссий, оставляя вопросы безопасности во многом за рамками переговорного процесса»**¹³. «Однако изменение политики Запада в отношении России, полагают российские авторы, привело к тому, что задачи международной кооперации уступили место задачам гарантированного обеспечения национальных интересов РФ всеми инструментами государства – военными, военно-политическими, дипломатическими, экономическими и юридическими»¹⁴. В действительности же, основным триггером активных дискуссий относительно будущего и перспектив межгосударственных взаимодействий в Арктике и поворотным моментом в эволюции российской арктической политики РФ следует считать два разных по своему характеру события, инициатором которых стала сама Россия. Первым из них, как это ни удивительно, стало символическое водружение в 2007 году российского флага на морском дне в районе Северного полюса частной экспедицией, возглавляемой вице-спикером Государственной Думы РФ и президентом российской Ассоциации полярников А. Чилингаровым. В результате этого далеко не обязательного шага, как отмечают, в том числе и некоторые российские эксперты, Россия «пошла на конфликт с остальным «приарктическим» миром, искусственно придав данному мероприятию

¹¹ Арктика и геостратегия России по ее освоению // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.km.ru/spetsproekty/2012/06/26/strategii-razvitiya-rossii/arktika-i-geostrategiya-rossii-po-ee-osvoeniyu>

¹² Российская стратегия в Арктике. Успешный маневр в условиях холодеющих отношений с зарубежными партнерами // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cprk.ru/ru/comments/rossiyskaya-strategiya-v-arktike>

¹³ Там же.

¹⁴ Российская стратегия в Арктике. Успешный маневр в условиях холодеющих отношений с зарубежными партнерами // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cprk.ru/ru/comments/rossiyskaya-strategiya-v-arktike>

политическую окраску»¹⁵. Вполне вероятно, однако, что с течением времени ажиотаж вокруг водружения российского флага должен был пойти на спад без каких-либо практических последствий¹⁶. Однако вскоре за этим последовало проведение 16 сентября 2008 года выездного совещания Совета безопасности РФ на самой северной заставе пограничной службы ФСБ РФ «Нагурская» на Земле Франца-Иосифа, принятие СБ РФ документа «О защите национальных интересов Российской Федерации в Арктике», утверждение 18 сентября 2008 года Президентом России Д. Медведевым «Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу»¹⁷ и плана мероприятий, направленных на их реализацию, подписанного председателем Правительства РФ В. Путиным 13 апреля 2009 года¹⁸. В числе прочего данный документ указывал на необходимость подготовки армейских подразделений для действий в арктических условиях, усиления пограничных войск и создания береговой охраны в Арктике, «способных обеспечить военную безопасность в различных условиях военно-политической обстановки»¹⁹.

Эти шаги РФ окончательно закрепили наметившийся сдвиг в арктической геополитике. Наглядным свидетельством этого стали лавинообразная разработка и принятие в течение 2008 – 2012 годов индивидуальных стратегий действий в зоне Арктики большинством арктических и неарктических государств²⁰. Таким

¹⁵ Война за Арктику. Хватит ли у России сил отбить шельф у конкурентов? // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/98917>.

¹⁶ Для того, чтобы этого не случилось российские патриоты – лыжники, парашютисты, летчики и подводники – ежегодно раскладывают, развешивают или рисуют на Северном полюсе полюбившийся элемент государственной символики РФ. См., например: В апреле на Северном полюсе развернут самый большой российский флаг // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.arctic-info.ru/news/06-03-2015/v-aprele-na-severnom-poluse-razvernyt-samii-bol-soi-rossiiskii-flag>.

¹⁷ Об Основах государственной политики России в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/media/files/A4qP6brLNJ175140U0K46x4SsKRHGfUO.pdf>

¹⁸ Воронов К.В. Арктические горизонты стратегии России: современная динамика // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.finanal.ru/009/арктические-горизонты-стратегии-россии-современная-динамика?page=0,7>

¹⁹ Об Основах государственной политики России в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/media/files/A4qP6brLNJ175140U0K46x4SsKRHGfUO.pdf>

²⁰ В мае 2008 года свою временную Стратегию арктической политики одобряет Дания (Arktisien Brydningstid. Forslagtil Strategi for Aktiviteter Idet Arktiske Område. Namminersornerullutikoqrtussatudenrigsministeriet, Mai 2008); В 2009 году пересматривается и конкретизируется принятая ранее Стратегия правительства Норвегии в отношении высокоширотного Севера (The Norwegian Government's High North Strategy. Oslo: Norwegian Ministry of Foreign Affairs, 2006; Nye Byggesteiner i Nord - Neste Trinn i Regjeringens Nordområde strategi. Oslo: Departemente, 2009); январе 2009 года Директива «Арктическая региональная политика США» подписывается президентом Соединенных Штатов (National Security Presidential Directive and Homeland Security Presidential Directive. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://georgewbushwhitehousearchives.gov/news/releases/2009/01/20090112-3.html>); В этом же году были одобрены Арктическая политика Исландии (Skarpheddisson. Icelandic Perspectives on the Arctic. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.arcticfrontiers.com/index.php?option=com_docman&task=cat_view&gid=182&Itemid=306&lang=en) и Стратегия в отношении северных районов правительства Канады (Canada's Northern Strategy. Our North, Our Heritage, Our Future. Published under the authority of the Minister of Indian Affairs and Northern Development and Federal Interlocutor for Métis and Non-Status Indians. Ottawa: Minister of Public Works and Government Services Canada, 2009); В 2010 году Стратегию политики в арктическом регионе принимает Финляндия (Finland's Strategy for the Arctic Region // Prime Minister's Office Publications. 2010. 8); В 2011 году аналогичный документ был одобрен в Швеции. Целый ряд документов по вопросам арктической политики принимается различными органами Европейского Союза The European Union and the Arctic Region.

образом, если РФ ставила перед собой цель привлечь внимание правительств самых разных стран и международной общественности к Арктическому региону, то с этой задачей она, без сомнения, справилась блестяще. Что касается укрепления ее позиций в этой части мира, то достижения оказались куда как более скромными.

Современная стратегия России в Арктике: конкретизация и формализация

Нельзя не признать, что с формальной точки зрения РФ существенно образом продвинулась в последние годы с точки зрения детализации и организационно-правового оформления стратегии действий в Арктическом регионе. Во-первых, был разработан и утвержден целый ряд основополагающих документов, определяющих ключевые направления, стратегические и тактические ориентиры арктической политики государства. Одним из первых, появившихся в 2006 году, стала разработанная Министерством природных ресурсов России Единая государственная стратегия изучения и освоения нефтегазового потенциала континентальных шельфов России. Согласно этому документу развитие нефтегазовых месторождений на шельфах в морях Северного Ледовитого океана становилось одним из главных приоритетов на период до 2020 года²¹. За этим последовали: «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», утвержденные Президентом РФ 18 сентября 2008 года; «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», утвержденная Президентом РФ 8 февраля 2013 года; Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года», утвержденная Постановлением Правительства РФ 21 апреля 2014 года; Указ Президента РФ от 2 мая 2014 года № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации»; Постановление Правительства РФ № 228 от 14 марта 2015 года «Об утверждении Положения о Государственной комиссии по вопросам развития Арктики» и Распоряжение № 431-р от 14 марта 2015 года «Об утверждении состава Государственной комиссии по вопросам развития Арктики». Наибольшей проработкой, - по мнению российских специалистов, - отличаются «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и на дальнейшую перспективу»²². В документе не только тщательно, в деталях прорисовываются основные

Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. COM (2008) 763 final. 20.11.2008. Brussels: Commission of the European Union, 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/maritimeaffairs/pdf/com08_763_en.pdf.

²¹ МПР России совместно с заинтересованными ведомствами разработало проект стратегии изучения и освоения нефтегазового потенциала континентального шельфа РФ и комплексный план действий по его реализации. Пресс-служба Министерства природных ресурсов и экологии РФ, 2006, 25 января // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mnr.gov.ru/part/?act=more&id=1525&pid=11>.

²² «Об основах государственной политики России в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/media/files/A4qP6brLNJ175140U0K46x4SsKRHGfUO.pdf>.

направления деятельности государства в различных сферах развития Российской Арктики, но также выделяются этапы осуществления арктической политики России²³.

Существенные перемены, особенно в последние годы, затронули и организационные механизмы, обеспечивающие разработку и реализацию российской стратегии в Арктике. С 2000 года задача разработки арктической политики РФ возлагалась на структуры и органы, которые определяли и все другие направления государственной политики. С 2008 года основной межведомственной координационной площадкой, на которую возлагалась ответственность за арктическую стратегию, становится Совет безопасности РФ, возглавляемый лично В. Путиным. Все другие федеральные органы привлекаются к разработке и реализации политики на разных уровнях и в рамках своих областей компетенции. Расширение числа задач и увеличение субъектов реализации государственной политики в Арктике привели к появлению новой формы управленческих механизмов, каковой стала созданная в феврале 2015 года Государственная комиссия по развитию Арктики²⁴. В состав комиссии входят представители профильных министерств, федеральных ведомств и агентств, органов законодательной власти, госкорпораций, частных компаний, субъектов федерации, расположенных в Арктической зоне России и общественных объединений (например, Ассоциации полярников)²⁵. Принципиально новым фактом является в этом случае вхождение в состав субъектов арктической политики что, соответственно, повышает их лоббистский потенциал, государственных структур (госкорпораций) и частных бизнес-структур, не входящих в систему власти РФ. Во многом это стало следствием, с одной стороны, закрепления Законом о недрах (в редакции 2008 года) монопольного положения «Газпрома» и «Роснефти» как операторов углеводородных ресурсов Арктического континентального шельфа. С другой стороны, превращения государственных и частных предприятий-концернов в автономные социально-политические системы, берущие на себя обеспечение государственных услуг в арктических городах и поселках²⁶.

Современная стратегия России в Арктике: содержательные дефекты и проблемы практической реализации

Несмотря на значительные подвижки с точки зрения институционально-правового оформления стратегии действий РФ в Арктическом регионе, целый ряд обстоятельств вызывают сомнения не только в ее эффективности, но и,

²³ Комлева Н.А. Эксперт: Арктические стратегии северных стран имеют много общего. Сравнительный анализ // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.diary.ru/~arkhangelskn/p159594629.htm>

²⁴ О Государственной комиссии по вопросам развития Арктики // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/docs/17319/>

²⁵ Состав Государственной комиссии по вопросам развития Арктики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://arctic.gov.ru/d6061d00-d64b-e511-825f-10604b797c23>

²⁶ Российская стратегия в Арктике. Успешный маневр в условиях холодеющих отношений с зарубежными партнерами // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://cpkr.ru/ru/comments/rossiyskaya-strategiya-v-arktike>

вообще, в возможности ее практической реализации в том виде, в каком она задумана и сформулирована.

Дефекты нормативно-правовых и институциональных основ. Во-первых, несмотря на предпринимаемые усилия, как отмечают многие российские эксперты, нормативная и организационная база российской политики в Арктике остается довольно слабой. Выступая на совместном заседании президиума экспертного совета по Арктике и Антарктике при Совете Федерации и Государственной комиссии по вопросам развития Арктики 20 ноября 2015 года, председатель СФ В. Матвиенко отметила, что для правового регулирования Арктики характерен отраслевой подход и раздробленность регулирующего законодательства. «Это объективно препятствует решению многих важнейших вопросов - от утверждения принципов территориального подхода до стимулирования создания единой промышленно-транспортной инфраструктуры», — сказала она, подчеркнув необходимость принятия специального, системообразующего, межотраслевого, комплексного федерального закона «О развитии Арктической зоны Российской Федерации»²⁷. Еще более категоричным было мнение председателя Совета по Арктике и Антарктике при Совете Федерации В. Штырова. «Анализ показал, - отметил он, - что в настоящее время действует более 500 нормативных правовых актов, регулирующих правоотношение в Арктической зоне РФ. Этот, казалось бы, огромный массив документов, но он не создаёт надёжной законодательной основы для реализации целей и задач Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года, утверждённой Президентом России, и не создаёт механизмов для реализации государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года», утверждённой Правительством Российской Федерации»²⁸. Одновременно с этим, все чаще звучат мнения о том, что успешная практическая деятельность по освоению Арктики невозможна без создания единого руководящего органа, подобного Министерству РФ по развитию Дальнего Востока. В отсутствие государственного руководящего органа, отвечающего за развитие Арктики, и полноценного законодательства, отражающего как идейные основы арктической стратегии России, так и «дорожные карты» ее реализации, дальнейшее освоение Арктики обречено на пробуксовку²⁹.

Содержательные дефекты стратегии. Во-вторых, серьезные сомнения вызывает само содержание российской арктической стратегии в том виде, как она представлена в основополагающих документах. Эти документы отличает традиционная для российского нормотворчества предельная общность и расплывчатость формулировок целей, задач и мероприятий, призванных

²⁷ Обсуждается проект ФЗ «О развитии Арктической зоны Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://narfu.ru/aan/Encyclopedia_Arctic/law_project_nov2015.pdf

²⁸ Там же.

²⁹ Романюк Р., Родионова И. Стратегия развития Арктической зоны РФ может остаться нереализованной // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.expertnw.ru/news/2014-03-17/strategiya-razvitiya-arkticheskoy-zony-rf-mozhet-ostatsya-nerealizovan-noy#ad-image-0>

обеспечить их достижение. Так, утвержденный в начале 2013 г. Президентом России В. Путиным документ под названием «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года, опирающийся на «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу», - считает, к примеру, В.С. Мартьянов, - сохранил все родовые недостатки своего предшественника: декларативность и абстрактную риторику, то есть отсутствие четких целевых показателей планируемого развития»³⁰.

Одним из основных направлений в рамках российской стратегии действий в Арктике с начала 2000-х годов остаются усилия по обоснованию расширения арктического сектора, подпадающего под национальную юрисдикцию. Между тем, вероятность решения этой задачи все больше вызывает сомнение даже у самих российских специалистов. В частности, комментируя предполагаемое рассмотрение новой российской заявки Международной комиссией по границам континентального шельфа, председатель экспертного совета при коллегии Военно-промышленной комиссии РФ М. Ремизов в ходе форума «Технопром-2015», прошедшего в июне 2015 года в Новосибирске, признал реальную возможность ее отклонения. Основной причиной таких предположений является, по его мнению, не только прямое противоречие заявки России заявке Дании. Доказательная база российской заявки, как признает М. Ремизов, не 100%-ная, в ней присутствует смешение геологической аргументации и международно-правовой, что также может стать причиной возможного отказа³¹. Вообще, как полагает профессор факультета международных отношений СПбГУ Н. Межевич, шельфовая активность России является своего рода дипломатической игрой. По официальной позиции МИДа РФ, наша страна выступает за деление Арктики «не по шельфу», а по секторальному принципу, полагает он. А претензии на шельф являются только лишь дипломатической игрой. «Мы просто страхуемся... сначала докажем шельф, а потом – если не получится с секторальным принципом, будем работать в пределах новых границ шельфа»³².

Наконец, российскую арктическую стратегию в ее нынешнем виде, полагают некоторые российские эксперты, характеризует отсутствие общего видения будущего Арктического региона, доктрины его развития³³. Сопоставляя основные содержательные элементы официальных стратегий развития Арктики трех основных арктических стран – РФ, США и Канады – Д.П. Кондраль и Н.А. Морозов приходят к неутешительному выводу. Если стратегии США и Канады направлены на формирование и развитие внутреннего (социального) потенциала

³⁰ Мартьянов В.С. Переосмысливая Арктику: динамика российских приоритетов // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Том 13. Вып. 1. С. 86 – 87.

³¹ В ВПК заявили о возможном отклонении заявки РФ на расширение границ Арктики // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.interfax.ru/russia/445793>

³² Зачем мы тратим миллионы, доказывая, что арктический шельф наш // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.online812.ru/2011/03/11/005/>

³³ Романюк Р., Родионова И. Стратегия развития Арктической зоны РФ может остаться нереализованной // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.expertnw.ru/news/2014-03-17/strategiya-razvitiya-arkticheskoy-zony-rf-mozhet-ostatsya-nerealizovan-noy#ad-image-0>

территорий, что ведет к сбалансированному социально-экономическому и политическому развитию, то российский вариант стратегического видения иной. Его характеризует желание не упустить возможность присутствовать в Арктике и использовать ресурсный потенциал региона, хотя кризисная ситуация в социально-экономической и политической сферах не позволяют уделять достаточного внимания социальному обустройству территорий. Это приводит к формированию неблагоприятных условий «обживания» и определяет в целом малоэффективную систему государственного управления. «Существующая сегодня система, - приходят к заключению они, - не способна создавать полноценные перспективы развития территорий и имеет в основном показательное значение»³⁴.

Проблемы практической реализации. Еще одна группа обстоятельств, вызывающих сомнения в эффективности российских усилий в Арктике, связана с проблемами практической реализации установленных целей и задач. Официальные документы, определяющие стратегические цели РФ в Арктике, предполагают, что к 2020 году этот регион должен превратиться в «ведущую стратегическую ресурсную базу РФ». В 2013 году Минрегион внес в Правительство РФ проект госпрограммы по развитию российской части Арктики.³⁵ Однако дальнейшая работа в этом направлении практически сразу затормозилась: внесенные в Правительство РФ проект федерального закона об Арктической зоне РФ и Программа социально-экономического развития региона на 2014-2020 годы оказались заморожены. Программа осталась без федерального финансирования, и, по словам члена Комитета по делам Севера Совета Федерации РФ И. Чернышенко, Арктика может не получить средств не только в 2014-м, но и в 2015-2016 годах³⁶.

Вообще, следует признать широко растиражированные представления о ресурсном потенциале Арктики несколько преувеличенными. Это обусловливается тем, что, во-первых, оценки ресурсных запасов опираются в основном на предположения, во-вторых, основываются на гипотезе постоянного линейного роста их стоимости и, в-третьих, крайне неблагоприятными условиями, препятствующими их освоению. «Разработку гигантских месторождений, признает директор Института нефти и газа Северного (Арктического) федерального университета М. Губайдуллин нам одним точно не осилить»³⁷. Ситуацию осложняет и то, что арктическая нефть, как показывает Приразломное месторождение, по качеству уступает как более легким сортам Brent и ВСТО, так и российскому сорту Urals. Это означает, что экспортные поставки нефти с Приразломного будут происходить с дисконтом к цене Urals³⁸.

³⁴ Кондраль Д.П., Морозов Н.А. Стратегическое планирование процессов политического развития в Арктическом регионе России // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://politika.snauka.ru/2015/03/2756>

³⁵ Кривошапко Ю. Госпрограмму развития Арктики внесли в правительство // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/11/19/arktika-site-anons.html>

³⁶ Романюк Р., Родионова И. Стратегия развития Арктической зоны РФ может остаться нереализованной // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.expertnw.ru/news/2014-03-17/strategiya-razvitiya-arkticheskoy-zony-rf-mozhet-ostatsya-nerealizovan-noy#ad-image-0>

³⁷ «Разработку гигантских месторождений нам одним точно не осилить». Марсель Губайдуллин о перспективах разработки месторождений в Арктике // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/business/2011/06/15/3662725.shtml>

³⁸ Стрельников В. Завоевать Арктику // «Review Технопром-2014». Приложение № 96 от 05.06.2014, стр. 22 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2486274>

Вряд ли в этой связи можно считать неожиданностью результаты, полученные я консалтинговой компании Sigra Group, Международным институтом устойчивого развития и WWF России, впервые попытавшихся реально оценить экономическую целесообразность бюджетного субсидирования добычи нефти и газа на арктическом шельфе России. Они подтвердили, что государственная поддержка проектов «Ямал СПГ» и «Приразломное» неэффективна и убыточна, а чистые выгоды от их реализации для общества сомнительны»³⁹. Не случайно в последнее время российские официальные лица все чаще заявляют о том, что освоение колоссальных углеводородных запасов арктического шельфа для России является делом отдаленного будущего⁴⁰.

Аналогичным образом обстоят дела и с другой российской «арктической идеей» - Северным морским путем. По прогнозам Минтранса России, ожидалось, что в ближайшее десятилетие объем грузопотоков по трассе СМП значительно увеличится: до 29 млн. тонн к 2016 году и до 63 млн. тонн к 2020 году. К 2015 - 2016 годам транзитные перевозки по СМП, предположительно должны были возрасти до 5 млн. тонн, а долгосрочной перспективе объём перевозок грузов по СМП планировалось довести до 60-80 млн. тонн в год⁴¹. Отрезвляющим ударом по ожиданиям быстрого расширения масштабов арктических морских перевозок стало резкое падение объемов, перевозимых по СМП грузов уже в 2014 году. И «главной причиной этой неудачи, - полагают западные эксперты, - были не экономические санкции, введенные ЕС, но осознание азиатскими клиентами того, что издержки и риски этого маршрута навигации слишком высоки, пока Россия не инвестирует в обновление устаревшей инфраструктуры»⁴². Все более скептически сегодня, основываясь на последних данных, оценивают перспективы транзитных грузоперевозок по СМП и российские эксперты⁴³. По их мнению, трудно назвать благоприятными условия для перевозчиков в Арктике. Отсутствует на сегодняшний день и международная нормативная база, которая позволила бы иностранным операторам планировать свое участие в «освоении» СМП. Без придания СМП статуса международного транспортного коридора, считает советник по вопросам транспортной политики постоянного представительства РФ в Европейском союзе Ю. Зворыкина, невозможно сделать арктическую трассу привлекательной

³⁹ Шаповалов А. Ледяной просчет. Качество господдержки арктических проектов в РФ объявлено сомнительным // Коммерсантъ. 08.07.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2519331>

⁴⁰ Сергей Донской: «Несмотря на сланцевую революцию, Россия всеравно мировой лидер по нефти и газу» // Комсомольская правда, 17.06.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.arctic-info.ru/FederalMonitoringMedia/22-06-2015/sroki-osvoenia-arktiki-i-vajnost_-arkticeskogo-sydstroenia--monitoring-federal_nih-smi--14-20-iuna

⁴¹ Развитие транзитных перевозок грузов // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.morvesti.ru/tems/detail.php?ID=23694>

⁴² Pavel K. Baev. Russia's Arctic Aspirations. In: Arctic security matters. Edited by Juha Jokela. ISSUE. Report No 24. June 2015. Paris: EU Institute for Security Studies, 2015. P. 52; Trude Pettersen. Northern Sea Route traffic plummeted // Barents Observer. 16 December 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://barentsobserver.com/en/arctic/2014/12/northern-sea-route-traffic-plummeted-16-12>.

⁴³ Объем перевозок по СМП за 2015 год вырос на 45,4% // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ati.su/Media/News.aspx? ID=82432 &HeadingID =13&PageSize=85>

для транзита⁴⁴. «Северная логистика, - констатируют российские наблюдатели, - пока является лишь достаточно экзотическим проектом и гарантий окупаемости масштабных инвестиций в создание соответствующей инфраструктуры никто в настоящее время не может дать»⁴⁵.

Еще одним, весьма серьезным обременением деятельности России в Арктике является оборотная сторона ее масштабного и продолжительного присутствия в этом регионе. На сегодняшний день российское Арктическое побережье считается одной из самых загрязненных в мире территорий. Территории Крайнего Севера использовались Советским Союзом для размещения военных баз и захоронения ядерных и химических отходов. «По самым скромным подсчетам, - как считают российские специалисты, - в прибрежной зоне Северного Ледовитого океана находится до 4 млн. тонн промышленного и строительного мусора, часть которого весьма токсична. На российских северных территориях брошено более 20 тысяч единиц техники и ежегодно происходит не менее 20 тысяч разрывов трубопроводов, из которых в океан попадают десятки тысяч тонн нефти»⁴⁶. С конца 1950-х и вплоть до 1991 года в российской Арктике - в Карском и Баренцевом морях - активно складировались контейнеры с отходами высокой, средней и низкой степени радиоактивности. Вклад СССР/России в морские захоронения токсичных радиоактивных отходов составляет более 50% от аналогичной активности всех остальных стран. И хотя, как показали более поздние специальные исследования, существенной утечки радионуклидов из мест захоронения в окружающую среду не наблюдается, тем не менее, потенциальная экологическая опасность этих веществ будет сохраняться долгое время и увеличиваться по мере естественного разрушения контейнеров. Общие затраты на реабилитацию опасных объектов, по некоторым данным, составляют не менее 300 - 350 млн. евро⁴⁷.

Российская стратегия освоения Арктики: партнеры и оппоненты

Достаточно показательным является тот факт, что в официальных документах, определяющих содержание арктической стратегии России, несмотря на настойчивые указания на необходимость защиты национальных интересов в этом регионе и важность международного сотрудничества, вообще отсутствуют конкретные определения как вероятных соперников, так и возможных партнеров. Источники угроз остаются в этих документах неопределенными и деперсонифицированными, а в качестве возможных

⁴⁴ Севморпуть: транзит рухнул, внутренние перевозки выросли // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://regnum.ru/news/economy/2031020.html>

⁴⁵ Чернов В. Северные коридоры власти // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://portnews.ru/comments/598/>

⁴⁶ Иноземцев В. Время собирать бочки // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=795#top-content

⁴⁷ Саркисов А.А., Антипов С.В., Высоцкий В.Л. Приоритетные проекты программы реабилитации Арктических морей от радиационно-опасных объектов и необходимость международного сотрудничества // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.iaea.org/OurWork/ST/NE/NEFW/Technical-Areas/WTS/CEG/documents/26th-IAEA-CEG-Plenary-Meeting/Paris_RUS_PDF/3.1_Arctic_Rehabilitation_Paper_Rus.pdf

субъектов для налаживания взаимодействий в Арктике указываются абстрактные «приарктические государства» и «региональные организации». Однако если обратиться к мнениям российских экспертов, оказывается, что в Арктике у РФ вообще отсутствуют какие-либо – индивидуальные или институциональные – партнеры и союзники. И, соответственно, практически все участвующие в арктических делах государства и институты, относятся отечественными наблюдателями к числу если не противников, то, как минимум, враждебных конкурентов⁴⁸. Таковыми, во-первых, являются арктические прибрежные государства: США, Канада, Дания и Норвегия. Наиболее острое противоречие в этом случае разделяет РФ и Норвегию⁴⁹. Вторую группу соперников России в Арктике составляют субарктические государства, не имеющие выхода к Северному Ледовитому океану: Финляндия, Швеция, Исландия. За счет наращивания своей активности в международных организациях эти страны, считают отечественные эксперты, стремятся повысить свое влияние на режим освоения ресурсов шельфа и оспорить статус Северного морского пути и Северо-Западного прохода.

Третью категорию оппонентов образуют неарктические государства, географически удаленные от региона: Китай, Республика Корея, Япония, Индия, Сингапур, Германия, Великобритания, Франция, Италия и Нидерланды. Они тоже настойчиво пытаются влиять на арктическую политику, продвигая тезис об Арктике как «достоянии всего человечества», которым не могут распоряжаться только прибрежные государства⁵⁰. До недавнего времени наибольшую угрозу, по представлениям многих российских специалистов, представлял в этой группе Китай, проявляющий чрезвычайно высокую активность в Арктике. Указывалось, что при поддержке Норвегии КНР уже удалось разместить на Шпицбергене свою полярную станцию и исследовательский ледокол. В 2012 году Китай заключил соглашение о свободной торговле с Исландией, и последняя поддержала идею вхождения Китая в Арктический совет на постоянной основе, поскольку Арктика «перестала быть региональной, а стала глобальной темой». Китай также планирует приобрести у Исландии остров Колбейнси, владение которым позволяет ему претендовать на статус арктической страны⁵¹. Таким образом, России, полагают отечественные специалисты, крайне важно «не допустить вторжения в Арктику таких государств, как Япония и Китай, ...если это будет в ущерб ее территориальным и политическим интересам»⁵². В последнее время, правда, Китай рассматривается скорее, как союзник России в Арктике, а

⁴⁸ Стратегия развития Арктического пространства РФ // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://science.spbstu.ru/news/proshedshie-meropriyatiya/strategiya_razvitiya_arkticheskogo_prostranstva_rf/

⁴⁹ Королев В.И. Военно-морская деятельность России в Арктике // Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Том 9. Книга 1. Обеспечение национальных интересов России в Арктике. Санкт-Петербург 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pvkbg.ru/d/647158/d/obespechenie-nacionalnyh-interesov-v-arktike---kniga-1.pdf>

⁵⁰ Арктическое направление внешней политики России // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bygeo.ru/geoliteratura/561-arkticheskoe-napravlenie-vneshnej-politiki-rossii.html>

⁵¹ Храмчихин А. Хлодный фронт в Арктике // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://souzveche.ru/articles/politics/23980/>

⁵² Освоение Арктики. «Холодная война» или развитие сотрудничества? // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru/journalshowcomments.php?categ=0&go=prev&journalid=4014978&jpostid=141423004>

эксперты и российская пресса, отмечая интерес китайской стороны к Северному морскому пути, чаще обсуждают возможные направления сотрудничества между двумя странами по вопросам развития инфраструктуры Севморпути⁵³.

Четвертую категорию оппонентов РФ в Арктике составляют институциональные акторы, прежде всего, ЕС и НАТО. Евросоюз, наряду с Китаем, рассматриваются отечественными специалистами в качестве «самых ярких сторонников интернационализации Арктики»⁵⁴. НАТО, все активнее вовлекающаяся в арктическую политику, пытаются использовать для защиты собственных интересов малые арктические государства (Норвегия, Дания), не обладающие возможностями напрямую противостоять России. США, уверены российские наблюдатели, также подталкивают НАТО к расширению присутствия в Арктике, стремясь противопоставить эту структуру Арктическому совету, где они не обладают необходимым влиянием. И поскольку в НАТО состоят четыре из пяти активных игроков на арктическом пространстве (Дания, Канада, Норвегия, США), очевидно, что превращение этой организации в самостоятельного актора существенным образом ухудшает, с точки зрения РФ, расстановку сил в регионе⁵⁵. Наконец, весьма острая конкуренция намечается у России и с членами Арктического Совета⁵⁶. Переход в 2015 году председательства в этом объединении к США, уже обозначившими в составе АС некий «центр» из пяти стран: США, Норвегии, Швеции, Исландии и еще одной, не названной страны (но явно не России), который и «станет ядром» освоения Арктики, вполне очевидно, полагают некоторые российские эксперты, свидетельствует о растущем расхождении позиций этой организации с российскими интересами⁵⁷. Общий вывод, к которому в итоге приходят многие отечественные эксперты, заключается в том, что в Арктике «при любой конфигурации Россия окажется без надежных союзников»⁵⁸. И потому в процессе любых арктических переговоров «одним из главных аргументов будет наличие военной силы в регионе»⁵⁹.

Таким образом, можно констатировать, что нынешняя активизация усилий России по полноценному возвращению в Арктику, безусловно, объективно оправдана. РФ является крупнейшим арктическим государством и несомненно заинтересована в эффективном и рациональном освоении и развитии этого

⁵³ «Значение Арктики для России и внешнеполитическая напряженность в регионе. Мониторинг федеральных СМИ: 4-9 августа 2014 года). 11 августа 2014 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.arctic-info.ru/FederalMonitoringMedia/Page/the-value-of-the-arctic-for-russia-and-foreign-policy-tension-in-the-region--federal-media-monitoring--august-4-9--2014>

⁵⁴ Стратегия России в Арктике // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://21russia.ru/news/science/2014-08-14/strategiya-rossii-arktike>

⁵⁵ Иванов С.М. Центр международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук. Проблемы освоения Арктики и национальная безопасность России // Право и безопасность № 1-2. 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dpr.ru/pravo/pravo_40_19.pdf

⁵⁶ F.A.Q. по стратегии России в Арктике // http://ruxpert.ru/F.A.Q._по_стратегии_России_в_Арктике

⁵⁷ Седов Д. Запад готовится к самозахвату Арктики // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://warfiles.ru/show-8499-situaciya-vokrug-arktiki-zapad-gotovitsya-k-samozahvatu.html>

⁵⁸ Арктическое направление внешней политики России // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bygeo.ru/geoliteratura/561-arkticheskoe-napravlenie-vneshnej-politiki-rossii.html>

⁵⁹ Коновалов И.П. Не ходите без оружия в Арктику гулять // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://conjuncture.ru/arctic_25-10-2011/

региона. Однако излишняя поспешность в итоге часто приводит к тому, что ее действия в этой части мира приобретают преимущественно пропагандистский и конфронтационный характер в ущерб рациональности и тщательной проработке контуров успешной долгосрочной арктической стратегии.

Новая арктическая стратегия Японии и интересы Японии в регионе

Колегова Е.А.,

младший научный сотрудник

В начале XXI века вопросы освоения Арктического региона и его значимости для Японии становятся всё более актуальными. Причиной этому служит ряд факторов, каждый из которых, в свою очередь, является основой для формирования основных векторов внешней политики Японии в отношении Арктики. Ключевые интересы Японии в Арктике формулируются в ряде докладов, подготовленных соответствующими правительственными ведомствами, различными научно-исследовательскими институтами и инициативными группами депутатов.

В течение долгого времени у Японии не было своей единой Арктической стратегии, программного документа, который бы декларировал всему миру ее политику в Арктике. Однако, несколько месяцев назад, 16 октября 2015 года, Арктическая стратегия Японии (我が国の北極政策, *Japan's Arctic Policy*), была принята и опубликована на сайте Премьер-министра Японии⁶⁰. Этим самым, по заверениям японских СМИ, Япония еще раз заявила о намерении играть ключевую роль в Арктическом регионе⁶¹. Свою роль сыграла и инициативная группа депутатов Японии, носящая название "С мыслью об Арктике". Еще 2 октября 2014 года они подали прошение на имя генерального секретаря Либерально-демократической партии Японии Танигаки Садакадзу, где говорилось о необходимости создания единой государственной стратегии Японии в Арктике и увеличения бюджета на освоение Арктики⁶².

Поскольку интерес правительства Японии к вопросам Арктики действительно велик, просьба была удовлетворена, и государственный бюджет на «продвижение исследования проектов в Арктике» был увеличен. Более того, подобная статья расходов появилась в планах бюджета на 2016 год Управления морской стратегии Японии при Кабинете министров (создано в 2007 г.).

⁶⁰我が国の北極政策 Арктическая стратегия Японии// Официальный сайт Премьер-министра Японии. URL=[http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy\[JPN\].pdf](http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy[JPN].pdf) (дата обращения: 18.04.2016 г.)

⁶¹科学の扉) 北極海航路の氷予報 衛星で観測、厚さ考慮し的中 Прогноз по ледовой обстановке Северного морского пути. Спутниковые наблюдения за толщиной льда оправдали догадки//Асахи Симбун. 2016. 31 января. URL=<http://digital.asahi.com/articles/DA3S12186866.html?rm=150> (дата обращения: 18.04.2016 г.)

⁶²Об обеспечении создания Арктической государственной стратегии и вопросах связанного с этим бюджета//Официальный сайт депутата Палаты представителей Парламента Японии Синдо Ёситака URL=<http://www.shindo.gr.jp/wp-content/uploads/2014/10/北極フロンティア議連要請書2.pdf> (дата обращения: 31.03.2016 г.)

Примечательно, что в 2015 году расходы этой статьи бюджета (кстати, введенной впервые) составляли 700 млн. иен⁶³, а в 2016 г. запланировано на «стратегическое продвижение исследования проектов в Арктике» под эгидой Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии потратить уже 900 млн. иен⁶⁴.

Основные положения новой стратегии Японии в Арктике

Буквально с первых строк Арктической стратегии Японии становится понятно, что ее основной интерес связан с возможностью использования Северного морского пути, ведь по свидетельству японских ученых, за последние 35 лет в летний период площадь ледового покрова в связи с глобальным потеплением сокращается на 2/3, и есть все шансы, что к середине XXI столетия эта площадь сократится еще больше⁶⁵.

Основой для Арктической стратегии Японии послужил документ, принятый Кабинетом министров Японии в 2013 году – Основная морская стратегия Японии (Basic Plan on Ocean Policy)⁶⁶. В нем были сформулированы три основные направления стратегии Японии в Арктике:

- 1) Проведение наблюдений и научных исследований в Арктике
- 2) Международное сотрудничество в Арктике.
- 3) Изучение возможности эксплуатации Северного морского пути.

Однако среди целей и задач, заявленных Японией как ключевые положения новой Арктической политики, приоритет СМП не указан в числе первых. В новой Арктической стратегии Япония предлагает мировому сообществу принять ее вклад в виде передовых технологий для всестороннего изучения Арктики с научной точки зрения, дать комплексную оценку хрупкой биосистеме Арктики, обеспечить соблюдение международных норм закона при осуществлении международного сотрудничества, уделить внимание аборигенному населению приарктических территорий, а также вопросам безопасности в регионе, стремиться к тому, чтобы экономические и социальные перемены в регионе не нарушили баланс климата и экологии. И только последним пунктом в этом

⁶³平成27年度海洋関連予算 予算 на 2015 год Управления морской стратегии Японии // Официальный сайт Премьер-министра Японии. URL=http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/sisaku/gaiyou_h27.pdf (дата обращения: 18.04.2016 г.)

⁶⁴平成28年度海洋関連予算 (政府案) : 5,459億円 (防衛省除く) 予算 на 2016 год Управления морской стратегии Японии (правительственный план, 545,9 млрд. иен, за исключением Министерства обороны) // Официальный сайт Премьер-министра Японии. URL=http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/sisaku/gaiyou_h28an.pdf (дата обращения: 18.04.2016 г.)

⁶⁵我が国の北極政策 Арктическая стратегия Японии. С.1. // Официальный сайт Премьер-министра Японии. URL=[http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy\[JPN\].pdf](http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy[JPN].pdf) (дата обращения: 18.04.2016 г.)

⁶⁶ Basic Plan on Ocean Policy. Основная морская стратегия Японии. Официальный сайт Премьер-министра Японии. URL=https://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/kihonkeikaku/130426kihonkeikaku_e.pdf (дата обращения: 18.04.2016 г.)

списке целей и задач идет «поиск экономических возможностей для развития СМП и освоения природных ресурсов»⁶⁷.

Кроме того, если ранее говорилось о научной кооперации путем отправки японских специалистов на уже существующие научно-исследовательские станции арктических государств, в рамках новой стратегии предполагается создание совместных с Японией научных станций на территории арктических государств – США, России и т., д. и подготовка кадрового резерва молодых специалистов по Арктике⁶⁸.

Помимо интереса к СМП, японские бизнес-круги проявляют интерес к природному газу и нефти Арктики. В официальной Арктической стратегии Японии приводятся данные Геологической службы США (US Geological Survey, USGS), по данным которой прогнозируемые ресурсы нефти в Арктике составляют 90 млрд. баррелей нефти (13% мировых запасов) и 1.670 трлн. кубических футов природного газа (30% мировых запасов)⁶⁹.

Важную роль Арктика может сыграть также и в обеспечении продовольственной безопасности Японии – это тоже планируется сделать в сотрудничестве с прибрежными арктическими государствами, при этом не нанося вреда биосфере региона⁷⁰.

В том, что касается приоритетов национальной безопасности Японии, в новой стратегии отмечается, что освоение полезных ископаемых в Арктике и начало эксплуатации СМП могут стать причиной возникновения напряженных отношений между заинтересованными государствами. Важно предотвратить попытки сторон усилить военное присутствие в регионе, чтобы наращивание военной и оборонной мощи не привело к возникновению напряженности и конфронтации в Арктике. По мнению авторов Стратегии, необходимо осознание факта, что подобные подвиги со стороны заинтересованных в регионе сторон могут привести к глобальным изменениям системы организации национальной безопасности многих стран мира, не только арктических государств, но и Японии. Следует уделять внимание любым действиям представителей мирового

⁶⁷我が国の北極政策 Арктическая стратегия Японии. С.2. // Официальный сайт Премьер-министра Японии. URL=[http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy\[JPN\].pdf](http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy[JPN].pdf) (дата обращения: 18.04.2016 г.)

⁶⁸我が国の北極政策 Арктическая стратегия Японии. С.4. // Официальный сайт Премьер-министра Японии. URL=[http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy\[JPN\].pdf](http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy[JPN].pdf) (дата обращения: 18.04.2016 г.)

⁶⁹我が国の北極政策 Арктическая стратегия Японии. С.5. // Официальный сайт Премьер-министра Японии. URL=[http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy\[JPN\].pdf](http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy[JPN].pdf) (дата обращения: 18.04.2016 г.)

⁷⁰我が国の北極政策 Арктическая стратегия Японии. С.5. // Официальный сайт Премьер-министра Японии. URL=[http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy\[JPN\].pdf](http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy[JPN].pdf) (дата обращения: 18.04.2016 г.)

сообщества в Арктике и, напротив, развивать межнациональное сотрудничество для предотвращения конфликтов в будущем⁷¹.

Для реализации вышеперечисленных целей и задач правительство Японии планирует предпринять следующие меры, условно разделенные на 3 категории.

Первая категория объединяет мероприятия правительства Японии, направленные на проведение исследований Арктики, а именно меры, направленные на сокращение отставания от лидеров освоения Арктики в регионе – приарктических государств и стран АТР, прежде всего, Китая.

1. Продолжение исследования Арктики в рамках проекта ArCS (Arctic Challenge for Sustainability Project) начатого в 2015 г.

2. Активная разработка систем наблюдения и анализа, включая создание технического оборудования на основе новейших технологий: создание спутников, научно-исследовательских станций и научно-исследовательских судов.

Реализация проектов той части не заставила себя ждать - уже 13 ноября 2015 года стало известно, что правительство Японии планирует к 2020 году создать первое подобное научно-исследовательское судно, однако пока еще не ледокольного класса. За образец будет взято научно-исследовательское судно «Мирай» (длина 128 м, водоизмещение 8700 тонн), которое ранее с успехом использовалось при изучении свободных ото льда районов Арктики. Однако в планах японского правительства – продвижение исследований, связанных с созданием судов ледокольного класса, подобных ледоколу «Сирасэ». Отмечается усиление финансирования на проектирование судов в 2016 году на сумму в 350 миллионов иен, и 250 миллионов иен – на возможности исследования арктической среды в автоматическом режиме. Вся эта гонка стимулируется аналогичной активностью по созданию научно-исследовательских судов в Республике Корея и в Китае⁷².

3. Развитие научно-исследовательских центров по вопросам Арктики в Японии.

4. Открытие научно-исследовательских станций в США, России и других арктических государствах для исследований на месте и совместных проектов.

5. Создание базы данных для обмена информации в среде мирового научного сообщества.

6. Подготовка кадров молодых исследователей Арктики.

⁷¹我が国の北極政策 Арктическая стратегия Японии. С.5. // Официальный сайт Премьер-министра Японии. URL=[http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy\[JPN\].pdf](http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy[JPN].pdf) (дата обращения: 18.04.2016 г.)

⁷²北極海航路参画へ国家プロジェクト 初の観測船32年にも就航 少ない海賊リスク・距離短縮. К государственному проекту освоения Северного морского пути. Первое научно-исследовательское судно будет спущено на воду в 2020 году//СанкэйСимбун. 2015. 14 ноября. URL=<http://www.sankei.com/politics/print/151114/plt1511140006-c.html>(дата обращения: 18.04.2016 г.)

7. Создание научно-исследовательского судна, предназначенного для изучения Арктики, и оборудованного автономными подводными аппаратами⁷³.

Вторая категория мероприятий перечисляет меры по международному сотрудничеству:

1. Активизация создания норм международного права, применяемого к Арктике - «Полярный кодекс» (Polar Code, 極海コード), разработкой которого сейчас занимается Международная морская организация (International Maritime Organization, ИМО), а также законодательной базы, регулирующей рыболовство в Арктике.

2. Участие Японии в Арктическом совете.

3. Продолжение многостороннего международного сотрудничества⁷⁴.

Третья категория мероприятий ставит целью рациональное использование природных ресурсов Арктики.

1. Больше вовлечение предприятий Японии в экономические проекты связанные с освоением Арктики.

2. Развитие СМП.

3. Поддержка правительством Японии проектов Японской национальной корпорации по нефти, газу и металлам в Гренландии (Japan Oil, Gas and Metals National Corporation, JOGMEC).

3. Международное сотрудничество в области добычи водных биологических ресурсов⁷⁵.

Интересы Японии в Арктике – возможность участия в освоении природных ресурсов и новые логистические возможности по Северному морскому пути

В Японии в настоящее время вызывает озабоченность проблема энергетической безопасности (проблема дефицита энергоресурсов для нужд экономики страны, вызванной последствиями Великого Восточно-японского землетрясения 2011 г. и пересмотром политики в отношении АЭС в стране), продовольственной безопасности, отстаивания интересов в области национальной безопасности и будущего геополитического значения Японии в новом регионе – Арктике.

Последние тенденции добычи углеводородов в мире не могут не беспокоить Японию. Мировая тенденция - о сокращении добычи углеводородов вообще в связи с исчерпанием "легких" месторождений, сокращением количества

⁷³我が国の北極政策 Арктическая стратегия Японии. С.6. // Официальный сайт Премьер-министра Японии. URL=[http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy\[JPN\].pdf](http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy[JPN].pdf) (дата обращения: 18.04.2016 г.)

⁷⁴我が国の北極政策 Арктическая стратегия Японии. С.6-7. // Официальный сайт Премьер-министра Японии. URL=[http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy\[JPN\].pdf](http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy[JPN].pdf) (дата обращения: 18.04.2016 г.)

⁷⁵我が国の北極政策 Арктическая стратегия Японии. С.7-8. // Официальный сайт Премьер-министра Японии. URL=[http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy\[JPN\].pdf](http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy[JPN].pdf) (дата обращения: 18.04.2016 г.)

основных поставщиков по политическим и геополитическим причинам: война в Ливии, уничтожение Ирака, санкции в отношении Ирана, нестабильная ситуация в целом на Ближнем Востоке - отсутствие гарантий продолжения поставок со стороны Саудовской Аравии и Катара, испытывающих влияние США, ростом спроса на углеводороды со стороны КНР, Южной Кореи и европейских стран, возможным перераспределением имеющихся на рынке предложений в пользу других стран - сокращением предлагаемого количества углеводородов – конкуренции среди «растущих экономик» стран БРИКС.

Геополитические же факторы обуславливают растущий интерес Японии к Северному морскому пути следующим образом: общая дестабилизация обстановки в мире, уже отражается на безопасности морского транспортного сообщения на отдельных участках – район Сомали, Баб-эль-Мандебский пролив, Суэцкий канал. На других участках морских путей ситуация так же может обостриться – в Индийском океане, в малазийских проливах существует угроза пиратства, уязвимость морских транспортных путей вдоль побережья КНР и КНДР (в случае обострения отношений с этими странами) также общеизвестна, учитывая напряженные отношения Японии со своими соседями по АТР. Кроме того, не стоит забывать о привлекательной протяженности СМП в отличие от традиционных морских маршрутов транспортировки углеводородов и других грузов, следовательно – их дороговизне и наличии множества конкурентов для Японии, которая сейчас активно ищет новые рынки для сбыта своей продукции.

Выводы:

В настоящее время Япония активно стремится в глазах мирового сообщества укрепиться в роли страны, сотрудничающей с арктическими государствами в вопросах освоения Арктики, с целью обеспечить гарантии своего будущего присутствия в регионе и возможности участия в проектах его освоения – в качестве ли значимого консультанта по научным технологиям, поставщика высокотехнологичного оборудования, или же крупного будущего потребителя энергоресурсов и биоресурсов Арктики. Важно заметить, что о самостоятельной добыче ресурсов Японией речи не идёт – зоны влияния в Арктике уже разделены, и Япония не стремится внести дисбаланс в существующий порядок отношений в регионе, скорее выказывает озабоченность проблемой соблюдения норм мирового права в регионе и выработки новых решений для регламентации навигации в регионе и прочих вопросов. Для этого и многого другого Япония сейчас, признав свое отставание от соседей по АТР, активно готовится и развивает технологические условия для эксплуатации Северного морского пути с целью закрепить в процессах его использования в будущем (наличием подготовленных портов – здесь новую роль будет играть «форпост» Хоккайдо, строительства ледокольного и транспортного флота ледового класса). Не оставляет без внимания Япония и участие в общемировых научно-исследовательских проектах в Арктике на наиболее ранних стадиях с целью минимизации возможности исключения из арктических проектов вообще - сохранение репутации Японии, как значимого действующего игрока,

повышение (или создание) зависимости прочих участников проектов освоения Арктики от Японии, подготовка кадрового резерва – молодых специалистов по Арктике в Японии. Кроме того, не стоит забывать и о том, что Япония сейчас все более закрепляется в статусе наблюдателя в Арктическом совете, а значит, сможет получить возможность принимать решения относительно политики освоения региона в числе стран-участников представительного органа наравне с арктическими и приарктическими государствами.

Национальная арктическая стратегия Республики Корея⁷⁶

Толстоулаков И.А.,

д-р истор. наук., доцент

Привлекающая внимание международного сообщества проблема освоения Арктики стала точкой приложения усилий южнокорейского государства лишь с начала 2000-х гг. Но при этом следует учесть, что опыт изучения полярных зон планеты накапливается Республикой Корея с более раннего периода: с марта 1987 г., когда при Корейском институте исследования и освоения мирового океана (*Korea Ocean Research & Development Institute, KORDI*) был создан Центр полярных исследований (*Polar Research Center, PRC*). Это событие и следует считать отправным моментом для формирования арктической стратегии Южной Кореи.

В период 1980 – 90-х гг. в стране складывается научно-исследовательский и организационный фундамент для будущего участия в освоении Арктики. Вслед за Центром полярных исследований в августе 1987 г. появляется Корейский национальный комитет исследования Антарктиды (*Korean National Committee on Antarctic Research, KONCAR*), обе организации просуществовали до 2004 г., а затем были преобразованы в Корейский НИИ полярных исследований (*Korea Polar Research Institute, KOPRI*). В 1987 – 2004 гг. Центр полярных исследований являлся оператором Национальной программы антарктических исследований (*Korean Antarctic Research Program*), а с 2004 г. таким же самостоятельным оператором, но уже Национальной программы освоения **полярных** регионов (*Korean Polar Research Program*) стал Корейский НИИ полярных исследований.

Таким образом, в 2004 г. очевиден переход Южной Кореи от исследований исключительно Антарктики к работам в обеих полярных зонах планет. Расширение географических интересов страны сопровождалось рядом научно-организационных мероприятий, о которых было сказано выше, и, что более важно в контексте темы нашей встречи – формированием определенного политического background-a.

⁷⁶ Анализ проведен на основе материалов официального сайта Корейского НИИ полярных исследований (*Korea Polar Research Institute, KOPRI*). См.: *Korea Polar Research Institute, KOPRI. Web-site. URL: <https://www.comnap.aq/Members/KOPRI/SitePages/Home.aspx>* (Дата обращения: 02.09.2014 г. – 01.05.2016 г.).

Прослеживается эволюция полярной стратегии Южной Кореи, включающая три этапа:

- реализация Национальной программы антарктических исследований (1987 – 2004 гг.);
- реализация Национальной программы освоения полярных регионов (2004 – 2013 гг.);
- принятие комплексного плана действий для реализации Национальной арктической политики на предстоящие 15 лет (с декабря 2013 г.).

В этой периодизации чётко выражена смена южнокорейских приоритетов, очевидно связанная с изменением геополитической ситуации в мире и АТР: от реализации в большей степени научно-практических интересов к Антарктике в двух последних десятилетиях XX в., к расширению геополитической повестки Республики Корея в первые полтора десятилетия века XXI, при этом сохраняется некий баланс научного и политического внимания к обеим полярным зонам. И, наконец, переориентация на преимущественный интерес к Арктике, вызванная не столько научными, сколько практическими интересами южнокорейского государства в её политическом и экономическом освоении.

Ещё раз подчеркнём, что до определенного момента усилия южнокорейских ученых направлялись преимущественно на изучение Антарктики, и власти Республики Корея особо не задумывались над проблемой освоения Арктики. Что же произошло в 2004 г. и стало причиной «разворота» Южной Кореи в сторону Северного Ледовитого океана?

В 2004 г. был создан Азиатский Форум полярных исследований (*Asian Forum for Polar Sciences, AFOPS*), который, по определению наших южнокорейских коллег, «...явился инструментом во многом политизированным, нежели научным»⁷⁷. Республика Корея стала одним из его учредителей и наиболее значимых участников, и именно с этого времени Корейский НИИ полярных исследований (KOPRI) запустил активную арктическую программу.

В деятельности KOPRI как части Азиатского Форума полярных исследований, по крайней мере с 2004 г., присутствует политическая составляющая, об этом со всей очевидностью свидетельствует разработка Национальной программы освоения полярных регионов.

Если на этапе 1987 – 2004 гг. Южная Корея создавала исключительно научный фундамент для полярных исследований⁷⁸, то после 2004 г. научная

⁷⁷ Чо Ёнгкван. Пуккыкхэый чавонкэбальгва Кангвондой чолляк (Освоение ресурсного потенциала Северного Ледовитого океана, и стратегия провинции Канвон). Чхунхон: Кангвон пальчон ёнгвон (НИИ развития провинции Канвон), 2012. С. 8.

⁷⁸ Национальная программа антарктических исследований, реализация которой началась с 1987 г., была ориентирована преимущественно на Антарктику. Её основные достижения – это создание отечественных судов ледокольного класса и основание первых антарктической станции: с 1988 г. началась работа на антарктической станции имени короля Седжона (о. Короля Георга). При этом и Арктика не осталась полностью обделенной вниманием, в 2002 г. на норвежском архипелаге Шпицберген создана южнокорейская арктическая станция *Тасан*. Они являются круглогодичными научными платформами, ориентированными на атмосферные и метеорологические наблюдения, изучение процессов в верхних слоях атмосферы, исследования в области гляциологии, геодезии и непрерывного мониторинга мирового океана.

часть Национальной программы освоения полярных регионов усилена явно выраженной политической компонентой: программа реализуется под лозунгом «Pole-to-Pole Korea», что в весьма вольном переводе можно передать как «Корея от полюса до полюса». Важно подчеркнуть, что здесь мы имеем дело не с националистическими амбициями или притязаниями, а с комплексной проработкой стратегического курса на построение «Кореи глобальной», о чем мы неоднократно говорили на наших встречах⁷⁹.

Принятая в 2004 г. Национальная программа освоения полярных регионов охватывает обе зоны: Арктику и Антарктику, а Корейский НИИ полярных исследований (KOPRI) остаётся её базовым оператором.

Основное содержание программы определяется следующими научными направлениями:

- климатические изменения в полярных зонах и их глобальные последствия;
- биологическое разнообразие и адаптационные свойства организмов в полярных зонах;
- тектоника полярных зон;
- палеоклиматические исследования на основе новейших технологий (изучение метеоритов и глубинное бурение полярных льдов);
- активизация полярных исследований азиатских стран, не примыкающих к полярным зонам;
- экономическое и транспортное освоение полярных зон.

Изучив ряд официальных и исследовательских материалов Южной Кореи по проблемам Арктики, мы пришли к выводу, что Республика Корея последовательно реализует практически шаги в следующих четырёх принципиальных направлениях:

- отслеживает ситуацию с поиском и освоением новых природных ресурсов, особенно – ископаемого топлива и минерально-сырьевых материалов;
- изучает транспортные возможности Арктики и преимущества Северного морского пути;
- продвигает идею об активном участии не приарктических азиатских государств в освоении Арктики;
- добивается статуса постоянного члена Арктического Совета⁸⁰.

В декабре 2013 г. власти Южной Кореи приняли комплексный план действий по реализации Национальной арктической политики на предстоящие 15 лет, данная программа была одобрена в июле 2013 г. Очевидно, что новый этап развития национальной арктической стратегии связан со вступлением Республики Корея в Арктический совет в статусе постоянного наблюдателя в

⁷⁹ Global Korea. The National Security Strategy of the Republic of Korea. June 2009. Seoul: Office of the President, 2009. Подробнее см.: Толстокулаков И.А. Стратегия национальной безопасности Республики Корея и Россия // Тихоокеанская Россия в системе международных отношений и обеспечения безопасности в АТР: опыт последних лет и грядущие перспективы. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2012. С. 287-305.

⁸⁰ Арктический Совет - международная организация, созданная в 1996 г. по инициативе ряда приарктических стран для защиты уникальной природы северной полярной зоны. С 2008 г. Республика Корея имела временный статус страны-наблюдателя при Арктическом Совете, а с мая 2013 г. – постоянный статус страны-наблюдателя.

мае 2013 г., когда страна получила доступ к глобальным проектам научного и хозяйственного освоения Арктики как участник международного арктического сообщества.

В соответствии с комплексным планом 2013 г. Республика Корея намерена в ближайшие полтора десятилетия:

- создать собственный информационно-аналитический центр по проблемам освоения Арктики;
- прилагать усилия для обеспечения активного международного информационного обмена и научного сотрудничества в Арктике;
- приступить к разработке собственных технологий, связанных с глубинным бурением в условиях арктического шельфа;
- продолжить развитие судостроения морских судов полярного типа, включая ледоколы и на основе этого 1) создать собственный ледокольный флот и 2) стать признанным в мире экспортером судов ледового класса⁸¹.

Иными словами, комплексный план реализации арктической стратегии Южной Кореи нацелен на решение четырех задач:

- активизация участия Республики Корея в международном арктическом сотрудничестве на многосторонней и двусторонних основах;
- освоение Арктики в интересах развития национальной экономики;
- освоение Арктики в целях отечественного научно-технического прогресса;
- формирование в Республике Корея инфраструктуры, необходимой для решения трёх предыдущих задач⁸².

Переформулировав цели и задачи комплексного плана, мы придём к основному содержанию Национальной арктической политики, оформленной как перспективная государственная программа и обосновывающей следующие приоритеты Республики Корея в арктической зоне:

- укрепление многосторонних и двусторонних отношений с арктическими странами;
- развитие собственной исследовательской деятельности в Арктике;
- формирование новой модели предпринимательской и научной деятельности в Арктике;
- изменение международной правовой и институциональной инфраструктуры Арктического региона.

В *международной составляющей арктической стратегии* Республики Корея особое место занимают (1) её присутствие в Арктическом совете, поставлена цель к концу 2020-х гг. повысить свой статус от постоянного наблюдателя до полноправного участника; (2) активное сотрудничество с международными организациями, занимающимися арктической проблематикой; (3) стимулирование двустороннего сотрудничества, в том числе на неформальном уровне.

⁸¹ Чосон Ильбо. 2013. 22 декабря.

⁸² Там же.

Мы видим, что, во-первых, основные усилия направляются на обеспечение равноправного положения (и в институционально оформленном, и в неформальном плане) Республики Корея среди участников арктической деятельности. Сеул понимает, что может столкнуться с барьерами, выставленными основными циркумполярными странами, поэтому он нацелен на сплочение фронта не циркумполярных государств, которые совместными усилиями могут добиться большего эффекта. И в этом контексте Республика Корея, Китай, Япония имеют общие цели и интересы в сфере арктической деятельности.

Во-вторых, Сеул активно «работает» с каждым циркумполярным государством в отдельности. Очевидными примерами могут служить южнокорейская арктическая станция *Тасан*, созданная в 2002 г. на норвежском архипелаге Шпицберген, или научные экспедиции в море Бофорта, проведенные в пределах канадской исключительной экономической зоны осенью 2013 г. с участием корейской научной команды и ледокола «*Араон*».

В связи с этим у России есть реальные шансы выстроить с Сеулом взаимовыгодное арктическое сотрудничество, играя на его амбициях и готовности не только к международному, но и «сепаратному» двустороннему взаимодействию.

Научная составляющая арктической стратегии Республики Корея после 2013 г. традиционно сохраняет (1) создание необходимой инфраструктуры, включая экспедиционные базы; (2) расширение сети научных полярных станций; (3) приоритет климатических и ресурсных исследований в Арктике; при этом появился новый, и напрямую связанный с Россией элемент: (4) создание информационной базы о Северном морском пути. Здесь мы усматриваем определенные вызовы для Российской Федерации, связанные и с возможностями и некоторыми рисками, в том числе в сфере национальной безопасности.

Коммерческая составляющая арктической стратегии Республики Корея не выходит за рамки традиционных экономических интересов Сеула и включает (1) международное и двустороннее сотрудничество в области развития новых логистических и транспортных путей, транспортировки грузов и развития портовой инфраструктуры; а также (2) разработка полезных ископаемых, сотрудничество в сфере технологий транспортировки и строительства арктических судов. Как видно, данный элемент национальной арктической стратегии не содержит ничего нового ни для самой Южной Кореи, ни для арктического сообщества – это транспортное и ресурсное освоение региона.

И, наконец, **правовая и инфраструктурная часть национальной арктической стратегии**. В ней можно усмотреть наибольшую угрозу интересам России, поскольку она нацелена на (1) регулирование

законодательной базы для развития Арктики и (2) создание и развитие научных и информационных центров в Южной Корее. Разумеется, «регулирование правовой базы Арктики» должно идти в направлении расширения прав не циркумполярных стран в целом и Республики Корея в частности. По сути, с одной стороны, это расширение допуска в Арктическую зону государств, не имеющих выхода в Северный Ледовитый океан, и создание для этого соответственной международной правовой базы, а с другой – создание возможностей для развития под видом научных исследований информационно-разведывательной деятельности иностранных государств в национальных арктических сегментах.

В таких условиях главная задача России, коренным образом заинтересованной в международном сотрудничестве и привлечении финансовых и технических ресурсов Южной Кореи для развития собственной арктической зоны, – соблюсти баланс экономических интересов и проблемы обеспечения национальной безопасности.

Оценка южнокорейской арктической стратегии была бы неполной без учёта национальной специфики корейцев. Дадим слово одному из ведущих сотрудников Корейского НИИ полярных исследований Чон Донмину, который усматривает в современной арктической политике Республики Корея три интегрированных составляющих: науку, национальную гордость и коммерцию⁸³.

Научный и коммерческий компоненты здесь нас интересуют в меньшей степени, и о них мы достаточно подробно говорили ранее⁸⁴. Важнее, что скрывается под «национальной гордостью». «Одной из причин заинтересованности Южной Кореи являются соображения национальной гордости и престижа в мировом сообществе, – утверждает Чон Донмин. – Как Вы знаете, пятьдесят лет назад Корея была одной из беднейших стран мира. Добившись экономического процветания, корейский народ ждет от своего правительства более активного участия в международных делах»⁸⁵. Многолетний опыт работы с Кореей убеждает нас в том, что, если в каком-то деле задействован столь сложный инструмент как «национальная гордость», упорства корейцам на этом поприще не занимать... Особенно, если это дело может обернуться коммерческим успехом.

Южнокорейские компании традиционно уделяют особое внимание деятельности в мировом океане, находясь в положении практически островного государства, страна тесно связывает свои долговременные интересы с судоходством, судостроением, офшорными технологиями и

⁸³Чосон Ильбо. 2013. 13 ноября.

⁸⁴ Подробнее см.: Толстокулаков И.А. Основы политики Республики Корея по вопросу освоения Арктики // Арктика в современной мировой политике: место в национальных внешнеполитических интересах (по материалам круглого стола). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 31-38.

⁸⁵Чосон Ильбо. 2013. 13 ноября.

рыболовством. Последние перемены в Арктике, по мнению корейских специалистов, открывают для неё новые коммерческие возможности. Главное – найти правильные точки для приложения усилий.

Первой из них избрано **строительство ледоколов и судов ледового класса**. Южная Корея готова к созданию новых типов ледоколов или судов ледокольного класса для собственных потребностей в Арктическом регионе и для зарубежных заказчиков.

Вторая точка – **создание на территории Кореи нефтяного и, возможно, газового хаба** – распределительного узла, который в перспективе может приобрести общерегиональное значение для АТР. Уже имеются проектные разработки нефтяного «хаба» (*Korea Oil Hub*), который к 2020 г. станет обладать хранилищами общей ёмкостью до 60 млн. баррелей, а также объединит пять крупнейших нефтеперерабатывающих заводов и два современных нефтяных терминала на берегу Японского моря (города Ёсу и Ульсан), уже получившие статус зоны свободной торговли. Показательно, что к разработке и реализации проекта *Korea Oil Hub* активно привлечены специалисты из трёх ведущих арктических НИИ, включая KOPRI⁸⁶.

Третье направление – **эксплуатация транспортных возможностей Северного морского пути**. Республика Корея заинтересована в транспортном освоении российской Арктики, разумеется, с учетом собственных коммерческих и политических интересов. Сегодня многие эксперты высказывают вполне оправданные, на наш взгляд, опасения, что проект создания сквозной железнодорожной артерии от Пусана до Европы через территорию КНДР, России или Китая фактически провалился из-за молчаливого сопротивления Пхеньяна и очевидной конкуренции Пекина, и Москвы⁸⁷. Это ставит под удар «евразийскую инициативу» президента Пак Кынхе, вокруг которой сосредоточено немало политических усилий Южной Кореи.

Северный морской путь сегодня преподносится как возможная альтернатива железной дороге в рамках «евразийской инициативы». Более того, Сеул пытается увязать все последние политико-экономические проекты в Евразии в единый комплекс, который включал бы и Шёлковый путь в его различных вариантах, и Транссибирский маршрут, и Северный морской путь. Мы имеем дело с некой модификацией данных проектов под общим южнокорейским началом... При этом для России он достаточно интересен, в том числе и по отношению к возможностям Арктики. Можно получить существенный корейский ресурс – технологии и инвестиции, а за нами

⁸⁶*Daily Maritime News*. 2014. July 23.

⁸⁷Чо Ёнгван. Пуккыкхэый чавон кэбальгв аКангвондой чолляк (Освоение ресурсного потенциала Северного Ледовитого океана, и стратегия провинции Канвон). Чхунчхон: Кангвон пальчон ёнгувон (НИИ развития провинции Канвон), 2012. С. 17.

остаётся обеспечение мира и стабильности в Арктическом регионе, а также применение собственного векового опыта по его освоению.

В заключении скажем, что национальная арктическая стратегия Южной Кореи, убедительно коррелирует с краеугольной идеологемой нынешней администрации – уже названной выше «евразийской инициативой» Пак Кынхе, выдвинутой в октябре 2013 г. и нацеленной на подключение Южной Кореей к объединённой транспортно-логистической и энергетической сети стран Евразийского континента. Однако дни президента Пак Кынхе уже сочтены, а инициатива за рамки проекта так и не вышла. Сохранится ли преемственность в отношении «евразийской инициативой» сказать сейчас трудно, но арктические амбиции Сеула вряд ли изменятся.

Интерес к Арктическому региону как богатейшему источнику топливных и сырьевых материалов понятен и не нуждается в дополнительном обосновании. Неарктические страны Восточной и Юго-Восточной Азии, включая Южную Корею, по вполне понятным причинам заинтересованы в диверсификации своих сырьевых источников. Республика Корея занимает пятое место в мире по импорту сырой нефти и второе – сжиженного природного газа. Она импортирует многие виды минерального сырья. И в этом направлении мы можем прогнозировать усиление активности Южной Кореи, поскольку сибирский газовый проект ею упущен, основные потоки будут направлены в Китай, а сахалинских запасов России хватит только на удовлетворение запросов Японии и собственного Дальнего Востока.

В арктической политике Сеула для России есть и некоторые вызовы, они связаны с тем, что Южная Корея объективно «заинтересована в усилении соперничества между традиционными арктическими державами, последние на этом фоне могут пойти на существенные уступки в пользу других стран, испытывающих нехватку минеральных ресурсов, с тем, чтобы сохранить свой формальный суверенитет, но допустить к участию в арктических делах надежных партнёров из АТР»⁸⁸. Напомним, что одним из четырёх принципиальных целей Национальной арктической политики Южной Кореи является изменение международной правовой и институциональной инфраструктуры Арктического региона.

Южная Корея сейчас находится лишь в самом начале арктического пути, она наращивает свой технологический и научный потенциал, формирует благоприятную международную среду, завоевывает авторитет и укрепляет двусторонние контакты в арктической сфере. Ряд её национальных приоритетов в Арктике уже очевиден, дело остаётся за малым – найти общий интерес и определить перспективные направления российско-корейского взаимодействия в регионе.

⁸⁸Shin Hyon-Hee. Seeking a bigger role // Korea Herald. 2012. May 20.

Расстановка политических и общественных сил и векторы арктического курса США и Канады

Болдырев В.Е.,

младший научный сотрудник

С рубежа 2000 – 2010- х гг. Арктический регион формально вошёл в число приоритетов внешней и внутренней политики США и Канады. Об этом свидетельствуют опубликованные правительственные и многочисленные ведомственные и региональные арктические стратегии. Однако, положения документов далеко не всегда соотносятся с реальными возможностями. Проанализируем внешние и внутренние условия, выделим с их учётом наиболее вероятные направления регионального курса.

Соединённые Штаты Америки

Ключевыми положениями арктической стратегии США являются обеспечение безопасности (военной, гражданской, энергетической экологической и др.), свобода морских и воздушных путей, интенсификация научных исследований, взаимодействие с другими арктическими акторами в рамках существующих региональных институтов на основе международного права.

В то же время реальными ограничителями эффективного достижения целей выступают наименьший арктический сектор, его слабая освоенность, споры о разграничении шельфа, нератифицированная Конвенция ООН по морскому праву. Кроме того, штат Аляска находится в стороне от основной полосы расселения и соотносится с ней как анклав.

Основные перспективы освоения региона американское правительство связывает с развитием нефтедобычи, сохранением традиционных отраслей хозяйства Аляски, созданием условий, необходимых для обеспечения военной, гражданской и иной безопасности в регионе. Кроме того в Вашингтоне рассматривают возможность распространить принцип свободы морей на циркумполярное пространство, используя политические и дипломатические механизмы. Наиболее активными в этом контексте являются следующие федеральные министерства и ведомства.

1. Государственный департамент. Заместитель госсекретаря по вопросам океанов, окружающей среды и науки является ключевым членом правительства по вопросам Арктики и рыболовства.
2. Министерство обороны. На него возложена ответственность за обеспечение военной безопасности.
3. Береговая охрана. Она обеспечивает гражданскую безопасность во всех её аспектах, а также осуществляет проводку судов через льды.

Если активность Госдепа определяется бюрократическими мотивами и деятельностью некоторых групп интересов (например, рыбной промышленности), то действия Пентагона и Береговой охраны связаны также и с финансовыми проблемами. В частности, как свидетельствуют данные

Исследовательской службы Конгресса, средства, выделяемые из бюджета на модернизацию ледокольного флота и на оборону в целом, будут ниже запрашиваемой суммы. Поскольку, министерство обороны исходит из того, что основой присутствия в регионе должен быть мощный энергоэффективный ледокольный и военный флот, созданный по образцу российского гражданского и военного арктического флота, а необходимая для его обслуживания инфраструктура на Аляске отсутствует, обустройство американских военных в Арктике требует значительных вливаний. А запланированные в бюджете средства, по меньшей мере, не удовлетворяют интересам Пентагона. Об этом свидетельствуют многочисленные антироссийские заявления военного руководства США, которые, вероятнее всего, направлены на законодателей, их цель – увеличение военного бюджета.

Аспект межпартийной борьбы и проблем взаимодействия Конгресса и правительства относятся к ратификации Конвенции ООН 1982 г. Изначально Республиканская партия выступала против этого шага, а Демократическая – за. Ввиду республиканского доминирования на Капитолийском холме перспективы решить этот вопрос незначительны.

Количество групп интересов, которые активно влияют на региональный курс, невелико. Руководство и легислатура штата ограничены в своих возможностях влиять на федеральный центр, поскольку штат является единственным в арктической зоне. Наиболее значимым каналом взаимодействия остаются конгрессмены и сенаторы от Аляски. Количество экономических групп интересов также сократилось. После неудачных попыток начать освоение шельфа «нефтегазовое лобби» фактически вышло из активной игры. В ней осталась только рыболовная промышленность, которая взаимодействует, как с представителями штата в Конгрессе, так и с Госдепартаментом, и горная, чьи интересы связаны с интересами и лоббистскими возможностями конечных потребителей их сырья, в том числе и предприятий военно-промышленного комплекса. Они также втянуты в игру, их интересы отстаивает Пентагон. Это подтверждает тезис, что на арктический курс влияет незначительное количество групп интересов. В целом, присутствующие тенденции свидетельствуют, что на разработку американского арктического курса влияют, прежде всего, федеральные министерства и ведомства. В связи с этим наиболее вероятны следующие направления региональной политики:

- ограниченное увеличение финансирования программ по модернизации военного арктического флота и инфраструктуры;
- создание сети центров по обеспечению гражданской безопасности;
- продвижение идеи и перспективная реализация принципа свободы морей в циркумполярном пространстве при одновременном решении шельфовых споров.

Канада

В отличие от США Север страны на протяжении многих лет находится в центре внимания федерального и провинциального руководства. Однако стратегии по его развитию были приняты на рубеже 2000 – 2010-х гг. Канадское

правительство термином «Север» обозначает регион, располагающийся к северу от 60° северной широты западнее Гудзонова залива. Формально основными направлениями реализации стратегии являются:

1. Обеспечение суверенитета;
2. Социально-экономическое развитие;
3. Защита окружающей среды;
4. Развитие местного самоуправления.

За их реализацию отвечает министерство по делам Севера. Также отдельные проблемы региона входят в компетенцию министерств социального и экономического блока, министерств обороны и иностранных дел.

В провинциях термин «Север» используется в отношении северной их части, ведущим приоритетом является социально-экономическое развитие.

Ключевым ограничителем является обширное, слабозаселённое, недостаточно освоенное пространство, с тяжёлыми климатическими условиями.

На практике реализация первого из названных приоритетов полностью находится в компетенции федерального правительства. Она связана с развитием ледокольного флота, который обеспечивает проводку гражданских и военных судов, оборудованиём глубоководных баз ВМС на Севере, развитием многофункциональных сухопутных сил по обеспечению безопасности, проведение соответствующих учений стран НАТО. В то же время в интересах Оттавы решить два шельфовых спора. Первый заключается в разграничении циркумполярных владений с США. Это позволит придать статус национального пути Северо-Западному проходу. Этим канадское правительство стремится минимизировать риск появления иностранных судов национальном водном пространстве Арктики. Второй – в определении внешних границ шельфов Канады и России в районе хребта Ломоносова и поднятия Менделеева с целью минимизировать риск дальнейших двусторонних трений.

Другие приоритеты северного курса лежат в сфере компетенций, как федерального, так и провинциального руководства. Ввиду более раннего освоения провинциального Севера в настоящее время основной акцент в его развитии делается на ограниченной диверсификации, позволяющей новым предприятиям органически вписаться в существующую структуру производства. Главным образом, это гидроэлектростанции, в энергии которых нуждаются добывающие комбинаты, а также предприятия лесопромышленного комплекса.

На Севере, развитие которого входит в компетенцию федеральных органов, сделана ставка на ускоренное развитие добывающих отраслей. Это соотносится с интересами крупных горных и нефтегазовых компаний, которые намерены разрабатывать месторождения наиболее прибыльных ископаемых. Таким образом, интересы крупного бизнеса полностью связаны с реализацией правительственной стратегии. По мнению Оттавы, данная мера способствует улучшению социально-экономической ситуации в регионе, кроме того улучшается снабжение товарами народного потребления.

Однако к ряду создаваемых предприятий критично относятся некоторые общины коренных народов. Они выражают протест против проектов, которые не прошли должную экологическую экспертизу и угрожают нарушить

традиционную среду жизнедеятельности, усугубить социальную обстановку ввиду невысокой доли занятости местного населения.

В соответствии с текущими тенденциями наиболее вероятными направлениями канадского курса на Севере будут:

1. Максимальные политические и дипломатические усилия, чтобы решить шельфовые споры в свою пользу. В ближайшие годы будет сделан акцент на том, чтобы Комиссия ООН не одобрила российскую заявку на расширение континентального шельфа. В случае неудачи возрастает риск усиления трений с США по аналогичному вопросу.
2. Будут интенсифицироваться мероприятия по укреплению безопасности Севера в виде строительства и модернизации ледоколов, учений, лучшего оснащения многофункциональных сил и совершенствования необходимой береговой и сухопутной инфраструктуры.
3. Экономическое освоение региона будет проводиться в интересах крупных корпораций, главным образом, горных и нефтегазовых. В связи с этим конфликтный потенциал между крупным бизнесом и коренными народами Севера сохранится.

Использование подводных лодок ВМС США в исследовании Северного Ледовитого океана

Зайцев Ю.М.,

кандидат исторических наук,
доцент (ТОВВМУ)

Подводные лодки ВМС США уже более 50 лет занимаются изучением условий плавания и применения оружия в Арктике с момента первого подледного плавания атомной ПЛ «Наутилус» (*Nautilus SSN 571*) в 1958 г. Так, в 1960 г. сквозное плавание из Атлантики Северным Ледовитым океаном в Тихий океан совершила подводная лодка «Сидрэгон» (*Seadragon SSN-584*) под командованием Дж. Стила, преодолев сложный участок в Северо-Западном проходе Канадского арктического архипелага. Форсировав Берингов пролив, она закончила свой поход на Гавайских островах. Спустя два года подводная лодка «Скейт» (*Skate SSN-578*) под командованием Дж. Калвертона проникла из Атлантики в центральную часть океана проливами между островами Гренландия и Элсмир, а ранее, в 1958 г., она стала второй подводной лодкой, прошедшей в подводном положении через Северный полюс, и первой, которой удалось всплыть в районе полюса. В ходе арктических плаваний осуществлялась проверка возможности межтеатрового маневра силами (подводными лодками) между Тихоокеанским и Атлантическим флотами, слежение за деятельностью советского ВМФ и т.п. Сбор информации об условиях плавания и физико-географических характеристиках театра носил в этих походах попутный характер.

Регулярные научные исследования Арктики в интересах ВМС США начались в 1994 г.⁸⁹, когда была утверждена 5-летняя программа сотрудничества ВМС и ученых различных научных учреждений SCICEX (*Scientific Ice Expeditions*) по исследованию окружающей среды на период 1995–1999 гг. для которых военно-морские силы выделили атомные многоцелевые подводные (ПЛА) лодки типа «Стерджен» («*Sturgeon*»). Первое пробное плавание ПЛА «Парго» (*SSN-650 Pargo*) в 1993 г. с гражданскими учеными в Северный Ледовитый океан показало высокую эффективность такого сотрудничества. В дальнейшем плавание подводных лодок «Кавалла», «Поджи», «Арчерфиш» и «Хокбилл» («*Kavalla*», «*Pogy*», «*Archerfish*», «*Hawkbill*») позволило совместно с гражданскими учеными получить разнообразную информацию по геологии, физике, химии и биологии этого региона, динамике ледового покрова, циркуляции вод и батиметрическим характеристикам океана, которая могла быть использована при изучении влияния этих факторов на использование подводных лодок и их вооружения в арктических широтах⁹⁰.

Высокая мобильность подводных лодок обеспечила получение данных и позволила собрать образцы из недоступных ранее областей с маршрутов общей протяженностью более 100 000 миль⁹¹. На первом этапе исследования проходили в околополюсном районе и в море Бофорта. Продолжение исследований последовало в 2000 (*SSN-686 L. Mendel Rivers*), 2001 (*SSN-756 Scranton*), 2003 (*SSN-718 Honolulu*) и 2005 (*SSN-716 Salt Lake City*) гг. В июне 2010 г. было подписано соглашение о проведении второго этапа программы SCICEX (*Phase II Science Plan - U.S. Arctic Research Commission*)⁹². В рамках выполнения второго этапа программы SCICEX в 2012 г. была выделена ПЛА «Топека» (*SSN-754 Topeka*). Если в начале 1990-х годов для научных исследований использовалось только штатное вооружение подводных лодок, то с 1997 г. они стали оснащаться специализированным оборудованием, позволяющим более полно выполнять задачи научных исследований (табл. 1).

Таблица 1

Приборы и устройства, использованные при исследованиях в ходе SCICEX

Приборы и устройства	Описание и назначение
Система записи данных подводной лодки (Submarine Data Recording System – SDRS).	Сбор и обработка информации от датчиков подводной лодки: времени, положения и ориентации, окружающей обстановки.
Подводные удаленные видеосистемы (Submarine Remote Video Systems – SRVS).	Видеокамеры для контроля ледового покрова в условиях низкой освещенности при движении ПЛ.
Эхолодомер (Upward-looking side-scan sonar – ULS).	Двухчастотные гидролокаторы Клейна-595-(100 кГц) и Клейн-2000 для отображения нижней

⁸⁹ Начало исследования подводными лодками США Северного ледовитого океана и условий, влияющих на их боевое применение, можно отнести к концу 1950-х – началу 1960-х годов, когда состоялись первые подледные плавания ПЛА ВМС США.

⁹⁰ Gove, David. Arctic Melt: Reopening a Naval Frontier // U.S. Naval Institute Proceedings (February 2009). URL: <http://www.usni.org/magazines/proceedings/2009-02/arctic-melt-reopening-naval-frontier>. Дата обращения 10.11.2013.

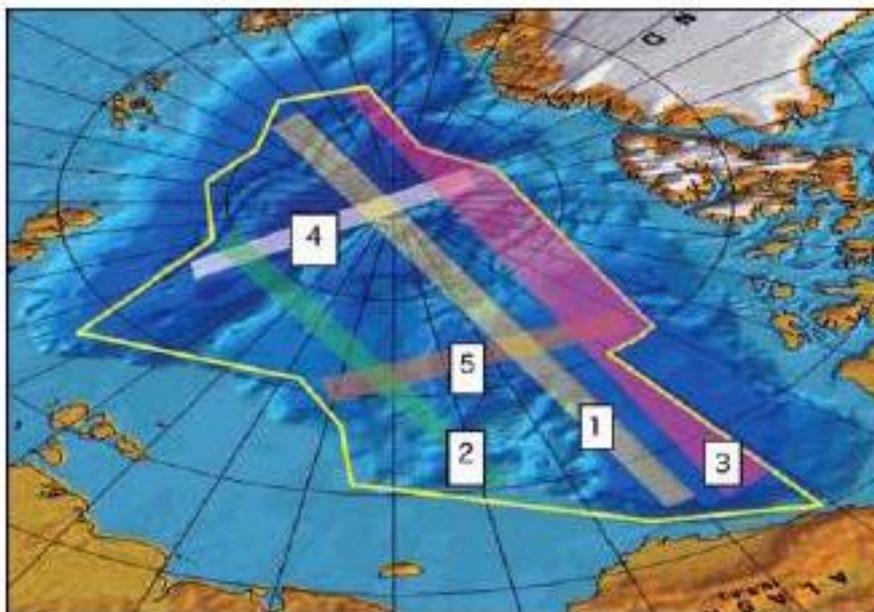
⁹¹ URL: <http://www.ideo.columbia.edu/res/pi/SCICEX/>; http://www.arctic.gov/publications/scicex_plan.pdf; http://www.soest.hawaii.edu/HMRG/Aagruuk/SCICEX/scicex_surveys.htm. Дата обращения 8.11.2013.

⁹² URL: http://www.arctic.gov/publications/scicex_plan.pdf. Дата обращения 8.11.2013.

	кромки ледового покрова.
Система оцифровки данных профиля льда (Digital Ice Profiling System – DIPS)	Оцифровка и запись данных гидролокатора ПЛ для определения профиля льда.
Датчики электропроводности, температуры и глубины (Conductivity, Temperature, Depth – CTD)	Для измерения свойств воды в надводном положении.
Система отбора проб забортной воды (Through-hull water sampling).	Для взятия проб забортной воды из впускного клапана в торпедном отсеке и получения информации о ее химическом составе (растворенный кислород, нитраты и соленость).
Акустический доплеровский профилемер (Acoustic Doppler Current Profiler – ADCP).	Прибор с частотой 150 кГц используется для измерения непрерывно меняющегося профиля дна.
Фото-спектрометр нулевого угла (Zero Angle Photo Spectrometer – ZAPS).	Для измерения растворенного органического углерода (использовался только по программе SCICEX-97).

Прибор для исследования характера морского дна и его картографирования (Seafloor Characterization and Mapping Pods – SCAMP).	Специальный встроенный прибор для отображения топографии морского дна в трех измерениях и картографирования. Состоял из батиметрического гидролокатора бокового обзора (SSBS), профиломера твердого дна высокого разрешения (HRSP), а также системы сбора и контроля качества полученных данных (DAQCS). SCAMP был использован только в SCICEX-98 и -99.
Гравиметр.	Конусный аэрокосмический гравиметр BGM-3 для измерения ускорения силы тяжести.
Корабельный эхолот (Ship's Fathometer).	Узконаправленный эхолот с высоким разрешением для сбора батиметрических данных.
Корабельная инерциальная навигационная система (Ship's Inertial Navigation System – SINS).	Навигационное обеспечение плавания ПЛ в ходе SCICEX.
Электронная гироскопическая система навигации (Electronically Suspended Gyro Navigation – ESGN).	Электронная подвесная гироскопическая система навигации (использовалась в ходе SCICEX-95).

Примечание. Составлена по данным: https://nsidc.org/scicex/data_inventory.html.

**Рис 1. Маршруты исследования Северного Ледовитого океана
в соответствии со вторым этапом программы SCICEX.**

Для исследования были определены пять маршрутов («коридоров»), пролегающих через Северный Ледовитый океан. Маршрут № 1 – (околополюсный) от побережья Аляски в сторону Атлантического океана, № 2 – южнее коридора № 1 от Берингова пролива, № 3 – от Аляски в непосредственной близости от Канадского архипелага, № 4 – (полюсный) от российского побережья в сторону Канадского архипелага, № 5 – южнее маршрута № 4 от российского побережья к Канадскому архипелагу (рис. 1). Приоритет в исследованиях был отдан маршруту № 1, как самому кратчайшему для межтеатрового маневра ПЛА между Атлантическим и Тихим океанами, а также морю Бофорта, где по многолетним наблюдениям происходят наиболее значительные изменения ледового покрова и климата. Исследования на маршруте № 1 было рекомендовано проводить не реже одного раза в год, а также при каждом межтеатровом переходе подводных лодок из Атлантики в Тихий океан и обратно. Второй по значимости район для исследований (маршрут № 4) – транспортные пути от российского побережья в сторону Северного полюса. Маршруты № 2,4 и 5 планируется исследовать попутно при каждом переходе ПЛА из Атлантического океана в Тихий. Меньшее внимание будет уделено маршруту № 3, который планируется исследовать только в рамках учения *ICEX* с периодичностью один раз в два–три года. Данные исследований поступают в Арктическую подводную лабораторию ВМС США (Сан-Диего), где обрабатываются и используются при разработке вооружения подводных лодок. При исследовании и взятии проб заборной воды подводные лодки маневрировали галсами протяженностью 50 км на глубинах от безопасной (во избежание столкновения с подводной частью ледового покрова) до рабочей, оставаясь преимущественно на глубине около 120 м, скоростью 14 узлов.

В ходе выполнения программы *SCICEX* были обследованы хребет Ломоносова со стороны котловины Макарова, хребет Менделеева, котловины Амундсена и Макарова. Анализ маршрутов плавания подводных лодок в ходе выполнения программы *SCICEX* (рис. 2, 3) позволяет говорить о том, что ВМС США проявляют большой интерес к российскому сектору Арктики. Наряду с картографированием морского дна и получением данных о состоянии водной среды исследуются условия, влияющие на использование вооружения подводных лодок.

Наряду с выполнением программы *SCICEX* ВМС США раз в два-три года проводит учения, направленные на исследование Северного Ледовитого океана в интересах испытания новых образцов вооружения подводных лодок, оборудования для исследования водной среды, расширения сведений о физико-географических условиях региона и их влиянии на применение оружия и технических средств ПЛ. К учениям, получившим название *ICEX*, привлекаются подводные лодки типа «Лос-Анджелес», «Си-Вулф» и «Вирджиния» Атлантического и Тихоокеанского флотов США. Научные наблюдения осуществляются как на борту ПЛ, так и с ледовых площадок на которых размещается временный лагерь. Руководство учениями осуществляется из Арктической подводной лаборатории ВМС (*ASL*) в военно-морской базе ПЛ Пойнт-Лома (Сан-Диего).

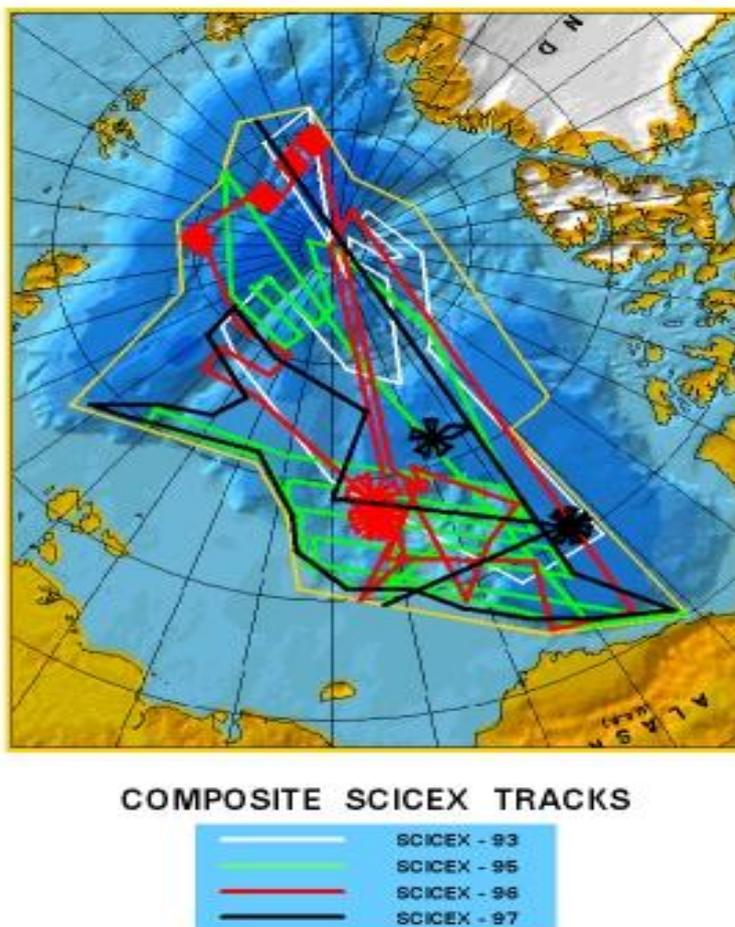

Рис. 2. Маневрирование ПЛА при выполнении программы *SCICEX* в 1993–1997 гг.

В 2009 г. учения *ICEX* проходили с 19 по 28 марта в море Бофорта с привлечением ПЛА типа «Лос-Анджелес» «Аннаполис» («*Annapolis*» *SSN-760*, порт приписки Гротон, штат Коннектикут) и «Хелена» («*Helena*» *SSN-725*, порт приписки Сан-Диего)⁹³. Во временном ледовом лагере на удалении около 250 миль⁹⁴ к северу от Прадхо-Бей (Аляска) была размещена лаборатория прикладной физики (*Applied Physics Laboratory Ice Station – ALPIS*) с оборудованием и персоналом (гражданскими инженерами и военнослужащими ВМС США). В ходе учения были проведены испытания аппаратуры слежения за подводными лодками, оборудования для определения конфигурации подводной части ледового покрова и его толщины, средств связи и навигации, шестнадцать стрельб практическими торпедами и десять всплытий во льдах в позиционное положение в районе ледового лагеря.

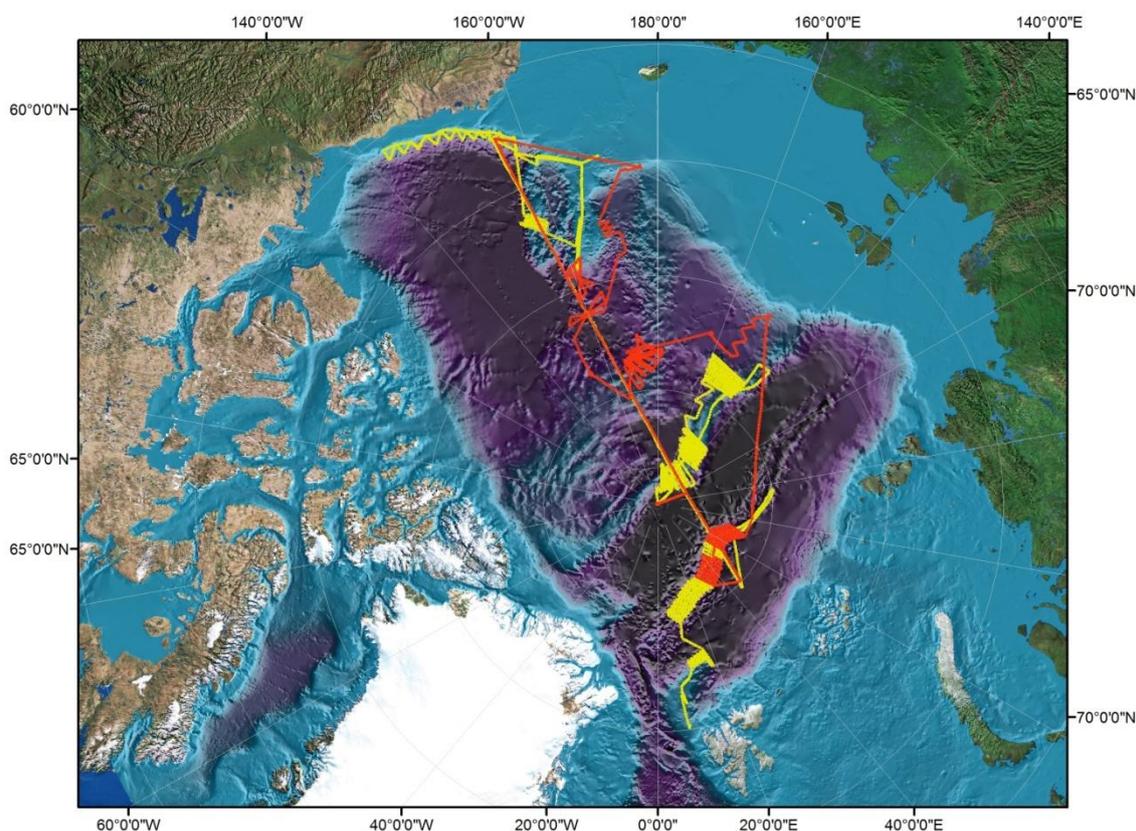

Рис. 3. Маневрирование ПЛА в ходе SCICEX в 2000–2005 гг.

Наиболее важным элементом программы учений стало испытание поведения акустических систем торпед в арктических водах. Значительное изменение гидроакустических условий вследствие перепадов температуры воды на различных глубинах и изменения солености, вызванное речными стоками и

⁹³ Планирование учения началось в 2008 г. В период с 26 февраля до 19 марта группой логистики была выбрана льдина и развернут временный ледовый лагерь, сооружена взлетно-посадочная полоса для самолетов обеспечения типа Чесна-185, вертолетов и самолетов *CASA 212* для перевозки крупных грузов, подготовлен испытательный полигон. Для ледового лагеря было выбрано поле с 5-летним льдом толщиной 18 дюймов. URL: <http://www.apl.washington.edu/projects/aplis/summary.html> Дата обращения 20.11.2013.

⁹⁴ Недельный дрейф льдины составил около 80 миль.

таянием льда, во многом отличает поведение торпеды от условий умеренных широт. Поиск и обнаружение торпед осуществлялись с помощью двух антенных решеток из четырех гидрофонов каждый, установленных на глубине около 30 м. Одна из групп гидрофонов была установлена по центру ледового лагеря, а вторая – на удалении около 4,5 км (5000 ярдов) от центра так, что геометрически получилось два квадрата с расстоянием между гидрофонами около 730 м (800 ярдов). По отчетным данным, установленный гидроакустический комплекс позволил не только осуществлять поиск и обнаружение торпед, но и отслеживать действия подводных лодок на дистанции около 7,5 км (8000 ярдов) с целью анализа тактики их действий. Информация от гидрофонов по кабельной сети поступала на командный пункт. Подъем торпед производился с помощью дайверов через проделанные полыньи. Поднятые торпеды сразу же отправлялись в Арктическую подводную лабораторию ВМС для снятия показаний датчиков⁹⁵. Проведенные испытания и анализ записи регистраторов должны были показать пути совершенствования торпед, возможность их обнаружения и способность акустических систем отличать фактические цели от нижней кромки льда и других помех⁹⁶. Кроме того, данные, полученные от гидрофонов и датчиков торпед, позволили проанализировать тактику действий ПЛА и, в целом, способствовали повышению эффективности их действий в Арктике⁹⁷.

В ходе учения была испытана новая совместная разработка Арктической подводной лаборатории и Морского инженерного управления (*Ocean Engineering Department*) с участием Лаборатории прикладной физики Вашингтонского университета, позволившая увеличить дальность обнаружения подводных лодок и улучшить их классификацию⁹⁸. Эта аппаратура (*Submarine Synchronous Transmitter – SST*), основанная на принципе обработки цифровых сигналов, наибольший эффект показала при сопряженном ее использовании с гидроакустическим комплексом, смонтированным на ледовом поле.

Не менее важной частью учений стало испытание аппаратуры для определения состояния подводной части ледового покрова. Опасность для плавания на малых глубинах могут представлять подводные части айсбергов и выступы многолетних льдов, которые ПЛ должна своевременно обнаруживать и уклоняться от них. Это особенно важно для подводных лодок, базирующихся на тихоокеанском театре, вынужденных преодолевать мелководный Берингов пролив в подводном положении⁹⁹.

⁹⁵ В ходе испытаний были подняты все 16 практических торпед.

⁹⁶ URL: http://www.apl.washington.edu/projects/aplis/sub_ops.html. Дата обращения 21.11.2013.

⁹⁷ URL: <http://www.apl.washington.edu/projects/aplis/tracking.html>. Дата обращения 21.11.2013.

⁹⁸ Аппаратура SST была установлена на подводных лодках еще до учений. Датчики аппаратуры были размещены в верхней части рубки и существовало опасение, что они могут быть раздавлены при всплытии ПЛ, однако неоднократные всплытия не оставили ни одной царапины на обтекателях датчиков.

⁹⁹ URL: http://www.navy.mil/submit/display.asp?story_id=43854. Дата обращения 21.11.2013.

Отработка приемов всплытия подводных лодок ВМС США в позиционное и надводное положение во льдах производилась на случай аварии, для связи с берегом и между собой, визуального наблюдения за надводной обстановкой или вентилирования ПЛ. Успешность этого маневра во многом зависела от толщины льда и его подводной конфигурации. Наиболее оптимальным является всплытие в полынье или в молодом льду. Первое всплытие ПЛА «Аннаполис» было сопряжено с тем, что найденная полынья затянулась, и для освобождения ото льда носового люка команде логистики потребовалось использовать цепные пилы и ледорубы. Поэтому для ПЛА «Хелена», менее приспособленной для всплытия во льдах, была выбрана другая точка всплытия. В целях поиска наиболее благоприятных условий для всплытия и определения конфигурации подводной части ледового поля была испытана гидроакустическая аппаратура «*Ice Keel Avoidance*» (ИКА)¹⁰⁰.

Испытание систем связи и навигации осуществлялось на предмет определения негативных факторов среды, способных снизить эффективность их действия.

Очередные учения ICEX, к которым были привлечены новейшие подводные лодки «Коннектикут» (*Connecticut SSN-22*) типа «Си-Вулф» и «Нью Хэмпшир» (*New Hampshire SSN-778*) типа «Вирджиния», прошли с 15 марта по 2 апреля 2011 г.¹⁰¹ Как и на предыдущих учениях в 150 милях от Прадхо-Бэй был развернут ледовый лагерь, откуда велись наблюдения за подводной средой, действиями подводных лодок, испытания новой аппаратуры и оборудования. По заявлению представителя Арктической подводной лаборатории ВМС (ASL) учения были призваны осуществить проверку нового оборудования подводных лодок и аппаратуры ледового лагеря, подготовку экипажей ПЛА для ведения подледных операций. В частности, было произведено испытание установленной на ПЛА «Нью Хэмпшир» новой версии высокочастотного гидролокатора, обеспечивающего более безопасное подледное плавание в условиях Арктики. Начальник Отдела военно-морских исследований (*Office of the Naval Research – ONR*) контр-адмирал Невин Карр (*Nevin Karr*), проведя несколько дней в центре руководства учениями в Сан-Диего и на борту ПЛА «Коннектикут», отметил: «Крайне важно, чтобы наши подводные лодки были хорошо оснащены для защиты интересов США в этом стратегически важном регионе. ONR тесно сотрудничает с Арктической подводной лабораторией ВМС в области экспериментальных научных и технических разработок, способных улучшить навигацию, связь и военно-морские операции в суровых условиях Арктики»¹⁰².

Систематический сбор информации, получаемой от спутников, воздушного, надводного и подводного наблюдения, и ее анализ позволили улучшить

¹⁰⁰ URL: http://www.apl.washington.edu/projects/aplis/sub_ops.html. Дата обращения 21.11.2013.

¹⁰¹ ICEX 2011 Demonstrates Naval Research Projects. URL: http://www.navy.mil/submit/display.asp?story_id=59517. Дата обращения 10.11.2013.

¹⁰² Там же.

прогнозирование меняющейся обстановки в Арктике и, тем самым, обеспечить межтеатровый маневр силами, обучение экипажей и выполнение обязательств перед союзниками.

Следующие учения *ICEX* были проведены в марте 2014 г. Как и ранее, на льдине в районе Прадхо-Бэй был оборудован ледовый лагерь «Наутилус», в котором разместились представители Арктической подводной лаборатории (*ASL*) из Сан-Диего, военнослужащие и гражданский персонал ВМС США, Канады и Великобритании. К участию были привлечены подводные лодки ВМС США «Нью Мексико» (*New Mexico SSN-799*) типа «Вирджиния» Атлантического флота и «Хэмптон» (*Hampton SSN 767*) типа «Лос-Анджелес» Тихоокеанского флота.

Подготовка подводных лодок началась в конце 2013 г. с установки на них специального оборудования и подготовки личного состава для плавания в специфических условиях Арктики. В конце февраля они начали движение из баз приписки и прибыли в район учений в соответствии с графиком 17 марта. Начальная фаза учений *ICEX 2014* включала плановый сбор данных об окружающей среде на маршруте перехода и в районе ледового лагеря, проверки аппаратуры слежения за подводными лодками и т.п.

Вторая фаза учений предусматривала плавание подводных лодок на различных глубинах, поиск полыней и разводий, всплытия в них и швартовки к припайному льду, тестирование гидроакустической аппаратуры, средств связи и навигации. Впервые для связи с ледовым лагерем была использована электронная почта, которая позволила более оперативно обрабатывать полученную информацию и связь с военно-морским командованием и Арктической лабораторией в Пойн-Лома¹⁰³.

За ходом учений наблюдали несколько членов конгресса США и представителей оборонных ведомств. В частности, одним из наблюдателей был член Комитета Сената по вооруженным силам американский сенатор Ангус Кинг, который заявил, что «... США должны быть готовы к тому, чтобы противостоять любым проблемам, которые могут возникнуть в будущем и именно поэтому эти учения (*ICEX*) имеют решающее значение. Северный Ледовитый океан приобретает все большее стратегическое значение для Соединенных Штатов. Здесь не только пролегают границы нескольких государств, в том числе США, России, Канады, Норвегии и Дании, но и он служит важным водным путем между Атлантическим и Тихим океанами. Таяние арктических льдов создает потенциал для открытия глобальных судоходных маршрутов, новых энергетических рынков и других коммерческих интересов»¹⁰⁴.

¹⁰³ URL: <http://navylive.dodlive.mil/2014/03/31/ice-exercise-2014-demobilizes-ice-camp-nautilus-and-shifts-to-next-phase/> Дата обращения 10.09.2014.

¹⁰⁴ URL: <http://www.defenceiq.com/naval-and-maritime-defence/articles/u-s-navy-conducts-icex-exercise-in-arctic-reinforc/> Дата обращения 10.09.2014.

Из-за резкого изменения обстановки и разрушения ледового поля намеченные работы пришлось свернуть, и 27 марта лагерь был эвакуирован. Хотя и в сокращенном варианте, но программа учений была выполнена.

Для проведения очередных учений *ICEX-2016* ледовый лагерь «Сарго» (*Sargo*) был развернут на льдине в 200 милях от Прадхо-Бэй (Аляска). Название лагерю было дано в честь американской подводной лодки «Сарго», впервые проникшей в Арктику из Тихого океана через Берингов пролив в 1960 г., и всплывшей на Северном полюсе. С учетом того, что по условиям обстановки предыдущие учения были досрочно свернуты, эти последние учения были начаты несколько ранее – в начале марта, и планировались в течение пяти недель. Участниками учений стали около 200 специалистов более чем 35 организаций из четырех стран (США, Великобритании, Канады и Норвегии). ВМС США выделило на учения подводные лодки типа «Лос-Анджелес» «Хартфорд» (*Hartford SSN 768*), приписанную к военно-морской базе Гротон (штат Коннектикут), и «Хэмптон» (*Hampton SSN 767*) из Сан-Диего, принимавшую участие в предыдущих учениях¹⁰⁵.

Командующий подводными силами ВМС США вице-адмирал Джозеф Е. Тофало основными целями учения назвал демонстрацию присутствия, получение дополнительного опыта работы в арктических условиях, дальнейшее расширение партнерства в области научных исследований в Арктике. Истинные цели учения прозвучали в заявлении начальника Центра развития приемов подводной войны (*Undersea Warfighting Development Center*) контр-адмирала Джеффа Трасслера (*Jeff Trussler*): «Наша Арктическая подводная лаборатория, возглавляемая Ларри Эстрада, остается мировым лидером в области подводных арктических операций. *ICEX 2016* – продолжение развития подводного вооружения и тактики (подводных лодок – прим. авт.) во всех районах Мирового океана. Наше превосходство в ведении подводных операций зависит от регулярных учений и демонстрации наших возможностей»¹⁰⁶.

Как и ранее ведущей организацией в координации действий, планировании и проведении учения стала Арктическая подводная лаборатория (*ASL*). Её руководитель Ларри Эстрада в качестве приоритетных задач учения назвал комплексное тестирование аппаратуры подводных систем; совершенствование взаимодействия различных оборонных ведомств (Военно-морских сил, Министерства обороны и др.), участвующих в реализации национальных целей в регионе; расширение состава участников этого процесса.

Участие в учении приняла команда лаборатории военно-морских исследования ВМС США (*U.S. Naval Research Laboratory*), которая занималась изучением процессов льдообразования, плотности и толщины льда с целью определения местоположения перспективных ледовых полей для обустройства

¹⁰⁵URL: http://www.navy.mil/submit/display.asp?story_id=93833. Дата обращения 14.04.2016.

¹⁰⁶ URL: http://www.navy.mil/submit/display.asp?story_id=93648. Дата обращения 14.04.2016.

ледовых лагерей при проведении подобных учений в будущем, которые будут планироваться через 2–3 года¹⁰⁷. Эта работа была чрезвычайно важна, так, как и в 2016 г. учения были сокращены на неделю из-за начала разрушения ледового поля.

25 марта руководство ASL объявило о завершении работ и эвакуации лагеря. Подводные же лодки остались в бассейне Северного Ледовитого океана, где продолжили самостоятельные исследования до апреля.

«Действия подводных лодок в рамках ICEX обеспечивают поддержание знаний об окружающей обстановке и способствуют навигационной безопасности плавания, применения различных средств как в водной среде, так и на поверхности в различных условиях», – подвел итог учения офицер тактического командования ледового лагеря, заместитель командующего подводными силами ВМС США командер Скотт Люерс.

За почти 50-летнюю историю плавания в Арктике, подводными лодками было проведено 26 учений. Следует ожидать, что последующие учения *ICEX* должны продолжить изучение факторов, влияющих на боевое применение подводных лодок в Арктике. Поскольку ледовые условия ограничивают действия в Арктике ВМС США именно этим классам кораблей, надо полагать, что в ближайшие годы приоритет в изучении условий Арктики будет отдан подводным лодкам, а дальнейшее исследование физико-географических условий наряду с общими задачами будет преследовать цель изучения их влияния на боевую деятельность ПЛА в арктических широтах.

Из 206 учений различной направленности, проведенных Соединенными Штатами по всему миру в 2011–2012 гг., общее количество учений арктической направленности относительно невысоко¹⁰⁸. Однако преследуемые на этих учениях цели свидетельствуют о подготовке ВМС США к использованию военной силы в ходе возможных конфликтов и приобретению доминирующего положения в Арктическом регионе. Активизация деятельности подводных лодок США в восточном секторе Арктики направлена на его освоение как театра военных действий и сопряжена с проведением мероприятий оперативной и боевой подготовки, в ходе которых осуществляется сбор, анализ и передача в Арктическую подводную лабораторию разнообразной оперативной информации. При проведении учений производится испытание оружия, мобильных систем навигационно-гидрографического обеспечения, поиска и обнаружения подводных лодок. Особое внимание руководство ВМС уделяет отработке тактических приемов поиска и слежения в сложных арктических условиях, созданию систем разведки и мониторинга.

¹⁰⁷URL: <http://www.nrl.navy.mil/media/news-releases/2016/NRL-Completes-ICEX2016-Expedition-Mapping-of-Arctic-Ice>. Дата обращения 14.04.2016.

¹⁰⁸ URL: <http://williamaarkin.wordpress.com/2012/01/>. Дата обращения 1.11.2013.

Дискуссия

В.Ю. Мишин: У меня один вопрос, но он адресован всем докладчикам. Так получилось, что в представленных вами положениях национальных стратегий анализируются экономические и политические компоненты, но ни в одном выступлении, к сожалению, не отмечено наличие военной составляющей. Возникает вопрос: скажите, пожалуйста, в каждой из представленных стран существует ли военная составляющая арктической политики? Если существует, то почему она вами не обозначена? В частности, по России: в Стратегии по развитию арктической зоны до 2020 г., если мне не изменяет память, пункт 18 посвящен военно-стратегической составляющей развития арктической зоны Российской Федерации. В докладе об этом не говорится... В связи с этой же проблемой имеется уточняющий вопрос к Колеговой Е.А. В её презентации на слайде изображен единственный у Японии корабль ледокольного типа «Сирасен». Мне бросилось в глаза, что он имеет отнюдь не гражданский бортовой номер. Означает ли это, что единственное ледокольное судно Японии относится к военному типу?

Зайцев Ю.М.(Тихоокеанское высшее военно-морское училище им С.О.Макарова): Это судно относится к ведомству береговой охраны Японии.

В.Ю. Мишин: Если береговая охрана, то все-таки оно военное.

Ю.М. Зайцев: Да, военное.

Е.А. Колегова: Корректнее – японских сил самообороны.

В.Ю. Мишин: Тем не менее, военное судно.

И.А. Толстокулаков: Относительно военного компонента в национальных стратегиях стран СВА... Полагаю, коллегам понятно, что мы работаем с открытыми источниками, а они нередко носят откровенно пропагандистский характер и многое на их страницах не отражено. Хотелось бы напомнить разговор на прошлом круглом столе, когда нашему японскому коллеге был задан вопрос о том, что среди ведомств, которые занимаются разработкой и реализацией японской арктической политики, указано министерство национальной обороны, а у корейцев – нет. Он чётко ответил, что в арктической политике Японии присутствуют военные интересы, поэтому министерство национальной обороны ею занимается, в такой ситуации понятен и военный номер ледокола.

По Южной Корее не берусь сказать, насколько существенной является военная компонента арктической стратеги. Полагаю, что она присутствует, но обосновать, доказать, на что-то сослаться и проиллюстрировать её содержание не могу. Поэтому в своих разработках я этот вопрос осознанно не затрагиваю.

С.К. Песцов: Что касается России, я не стал специально останавливаться на военных аспектах, чтобы не быть обвинённым в нагнетании проблемы. На самом деле, единственное, что у нас более-менее получается в Арктике, это восстановление военного присутствия или наращивание военного потенциала. Следует сказать, что подобная деятельность вызывает наибольшую настороженность или наибольшие опасения у большинства наших соседей. Хотя, обращаю ваше внимание, они смотрят на эти вещи достаточно

объективно. В большинстве случаев западные эксперты признают, что российская военная активность в Арктике на самом деле существует, но на сегодняшний день она не представляет угрозы. Они исходят из того, что в последние годы Россия восстанавливает тот военного потенциала, который ранее существовал в Арктике у СССР и был утерян по известным причинам. Повторю, несмотря на военную активность России в Арктике, соседние государства не рассматривают её в качестве вызова или угрозы.

Что касается сути этой деятельности, она достаточно активная, по крайней мере, с 2004 г.; в Арктике создается Объединенное стратегическое командование, куда должен войти Северный флот, арктические бригады, части ВВС, ПВО, дополнительные органы управления и т.д., и т.п. Целый ряд российских военно-промышленных предприятий занимаются разработкой военной техники, специально адаптированной под арктические условия. Мы активизировали проведение там разного рода учений, маневров, возобновили полеты, в том числе стратегических бомбардировщиков, которые базируются на Камчатке и совершают облёты арктической зоны. Иными словами, всё у нас в порядке и, может быть, это единственная сфера, где у нас с Арктикой более-менее всё в порядке.

Ю.М. Зайцев: Следует внести небольшое уточнение. Дело в том, что российское стратегическое командование в Арктике ещё не сформировано, а только формируется. При этом США и Канада имеют здесь своё стратегическое командование с 1970-х гг. По сути, это наш ответный шаг и не более. У них давно создана совместная американо-канадская система противоракетной и противовоздушной обороны в Арктике – NORAD. С 1970-х гг. США активно осваивают арктический театр своими подводными лодками. Да, у них нет такого количества ледоколов, чтобы осваивать Арктику, но они используют свои подводные лодки, как для изучения шельфа, так и для испытания новых образцов оружия, применимого в арктической зоне. Они тестируют свои системы связи и наблюдения, адаптируя их к арктическим условиям.

С.К. Песцов: А почему у США и Канады меньше ледоколов?

Ю.М. Зайцев: Ледоколов у них меньше, потому что они в своё время упустили возможности, а сейчас просто нет средств, достаточных для строительства ледокольного флота.

В.Е. Болдырев: Полагаю, что в экономическом отношении США необязательно иметь большой ледокольный флот.

Ю.М. Зайцев: Вы совершенно правы, поэтому наши соседи по американскому континенту делают акцент на подводный флот. Раз в два года они проводят учения с очевидной военной направленностью – ICSEX, при этом стараясь облечь их в подобие гуманитарной формы: научные исследования, спасение на водах, в случае стихийных бедствий и т.п. Однако до начала 2000-х гг. форма проведения учений ICSEX оставалась чисто военной. Да и сейчас участвуют в них, по сути дела, вооруженные силы.

На подобном фоне военной или близкой к военной активности наших соседей в арктической стратегии России должна присутствовать военная

составляющая, например, воссоздание сети военных баз. У нас их всего две, и расположены они на конечных точках Северного морского пути.

Когда С.К. Песцов говорил о присоединении к Конвенции 1982г., следовало отметить, что мы, по сути дела, отошли от секторального принципа деления Арктики и ограничили свой шельф 200-мильной зоной. И ещё один проблемный момент: Северный морской путь не везде пролегает через российские территориальные воды, ограниченные 12-мильным расстоянием от побережья. То есть любое государство, обладающее соответствующими техническими средствами, может использовать Северный морской путь вне наших территориальных вод. Именно в этом и заключается реальная угроза интересам России. С.А. Иванов сказал, что Китай не пытается контролировать Арктику, пусть и так, но он активно продвигает идею интернационализации Северного морского пути. Получается, что мы вкладываем средства в оборудование и инфраструктуру Северного морского пути, а в будущем любое государство, имеющее ледокольный флот – Япония, Корея, Китай (который уже имеет купленный у Украины ледокол) – может спокойно плавать, используя ту инфраструктуру, которая создавалась Советским Союзом и современной Россией, без какого-либо собственного вклада в её создание. Идея не циркумполярных государств об интернационализации СМП – вызов России, и к ответу на него следует быть готовым.

Я согласен с тем, что Китай пока не имеет полностью сформированной арктической стратегии, но Япония, которая недавно такую стратегию приняла, или Южная Корея, разработавшая её несколько раньше, уже готовы к активной арктической деятельности. Кстати, на 27 мая текущего года в Санкт-Петербургском государственном политехническом университете назначена защита диссертации Вань Цзюнтао на тему «Формы участия Китая в международной деятельности в Арктике». Автор активно использовал литературу, которая ещё не переводилась на русский язык, полагаю, что в ней можно найти немало интересного. Вань Цзюнтао в автореферате своей диссертации подтверждает, что арктической стратегии в виде единого официально принятого документа у КНР нет. Однако высказывания и военных, и политических деятелей Китая нас несколько настораживают. Да и не только нас, но и, например, Канаду. Особенно – в направлении интернационализации арктических морских путей, поскольку такие предложения распространяются не только на российский Северный морской путь, но и на Северо-Западный морской путь в Европу, который ещё короче.

Е.А. Колегова: Хотела бы ответить на вопрос В.Ю. Мишина. Мне кажется, арктическая стратегия Японии отличается от прочих небольшим нюансом. В ней нет военной компоненты, как таковой, но она отражает общую тенденцию, характерную для современного японского общества и государства. Это возможный пересмотр Конституции страны в направлении отхода от пацифизма. Силам самообороны и прочим военным ведомствам придаётся большая самостоятельность, расширяется круг их возможностей, и то оборудование, о котором я говорила, и технические средства: суда, авиация, спутники – могут быть очень быстро переориентированы на военный лад. Официально принятая

стратегия подразумевает гражданское, прежде всего, научное освоение Арктики, но оно в любой момент при нуждах властей может стать военным.

В.Е. Болдырев: Что касается США, Ю.М. Зайцев достаточно подробно обрисовал картину. У меня остается лишь небольшая ремарка относительно Канады. Обеспечение канадского суверенитета в Арктике позиционируется как наиболее важная задача в рамках Северной стратегии страны, и в соответствии с этим производится модернизация её уже существующих арктических сил и возможностей. Созданные ранее многофункциональные северные силы оборудуются глубоководными базами на северном побережье, наиболее яркий пример – база Нанисивик (Nanisivik). По мере возможностей, прежде всего, финансовых идёт модернизация ледоколов, кроме того, Канада активно участвует в арктических учениях стран НАТО.

С.А. Иванов: Добавлю информацию по Китаю. Очевидно, если у Китая нет как таковой единой арктической стратегии, то, соответственно, и военная составляющая китайскими лидерами не поднимается. Полагаю, что такая ситуация сохранится на ближайшее десятилетие, в противном случае можно ожидать настороженную или даже резкую реакцию со стороны России, США, Канады. Китай может использовать Северный морской путь, и для этого поднимает проблему интернационализации Северного морского пути. Но это характерно для всех неарктических государств, значит Китай в данном вопросе не один, просто он, наверное, самый опасный из разработчиков данного проекта. Вопрос в том, сможет ли Россия ему препятствовать?

Ю.М. Зайцев: У нас существуют введённые постановлением правительства Правила плавания по Северному морскому пути, в которых определено, что при движении по СМП лоцманское и ледокольное обеспечение должно быть российским.

В.Л. Ларин: Так для кого эти правила введены, для нас же, для России?

Ю.М. Зайцев: Нет, предусмотрено их распространение на всю навигацию по СМП.

В.Л. Ларин: Иными словами, мы приняли правила, а они должны им подчиняться?

Ю.М. Зайцев: Как я понимаю, эти правила действуют всё-таки в пределах наших территориальных вод, а Северный морской путь по большей части идёт по нашим территориальным водам. До тех пор, пока иностранные суда идут через наши территориальные воды, они обязаны пользоваться нашими правилами. Но, если кромка льда отодвинется от наших берегов подальше, то и путь будет проходить вне территориальных вод России, и российские правила там не установишь.

С.К. Песцов: Должен сказать, что на самом деле ни у кого возражений против российских правил судоходства пока нет. Наши партнёры выступают против того, что Россия, пользуясь монопольным правом, устанавливает совершенно невыносимые расценки на разные виды услуг, которые она готова предоставить. Вот с чем связано недовольство потенциальных пользователей СМП. Кроме того, существует международное законодательство, которое позволяет акцентировать внимание на экологической ответственности

циркумполярных государств. Последняя распространяется гораздо дальше, нежели 200-мильная зона, установлены международные экологические нормы, которыми должны руководствоваться все государства, пользующиеся арктическими маршрутами, в том числе Россия.

Ю.М. Зайцев: Есть также требования и к классу кораблей, судов следования, которые проходят по Северному морскому пути. Честно говоря, различных требований много.

И.А. Толстокулаков: Мы немножко уклонились от проблемы, обозначенной В.Ю. Мишиным. У меня по ходу наших рассуждений возник некий тезис, который нам следует обсудить. Наверное, военная составляющая больше всего присутствует в стратегиях циркумполярных государств, которым есть, что защищать. А корейцы, японцы и китайцы в какой-то степени, наоборот, объективно заинтересованы в демилитаризации Арктики, в том, чтобы хозяева, поделившие Арктику на свои сектора, стали слабее, чтобы создать более мягкий международный режим в этой зоне. Может быть, поэтому ни Корея, ни Япония активно не прописывают военные интересы в своих национальных программах.

В.Ю. Мишин: Тем не менее, японский ледокол – военный.

И.А. Толстокулаков: Ледокол японский не военный, он принадлежит военному ведомству, потому что министерство обороны, как пояснил японский коллега на прошлом круглом столе, является непосредственным участником арктической программы Японии.

В.Л. Ларин: Позвольте переформулировать вопрос: если посмотреть на эту проблему с точки зрения союзнических отношений Южной Кореи и Японии с США. Может они делегируют Соединенным Штатам все военные вопросы в Арктике как исполнение союзнических обязательств?

И.А. Толстокулаков: Вполне резонное предположение.

В.Ю. Мишин: Подождём изменения японской Конституции, тогда и посмотрим.

И.А. Толстокулаков: По крайней мере, у Южной Кореи я никогда не видел указаний на особые претензии военного характера в Арктике.

В.Л. Ларин: У меня есть ещё один вопрос, адресованный всем участникам. Все-таки, все национальные стратегии кажутся очень похожими, имеют много близких совпадений. Сегодня нам удалось это выявить. Наверное, это объясняется рядом объективных обстоятельств и современными реалиями Арктики, которые диктуют общую для всех проблему и общие пути её решения. Появление национальных стратегий в последнее, буквально, десятилетие у Японии, Южной Кореи, формирование условной стратегии Китая – всё это результат осознания необходимости, или же дань какой-то моде, чтобы «не опоздать на поезд»? Вот он уйдет, этот «поезд», и они останутся ни с чем... То есть, реальны ли эти стратегии, как руководство к действию, или это документы, разработанные «на всякий случай»? Понятно, что США и Канады этот вопрос не касается.

С.А. Иванов: На самом деле, когда идёт речь об Арктике, вопрос уходит в сторону гипотетических рассуждений, причем не только у нас в этом кругу, но и у официальных лиц разных государств. В Пекине, Токио, Сеуле далеко не все

досконально разбираются в арктической проблематике. Есть исследования, научные и полевые наработки, и что? Что делать с этим всем багажом, достаточно ли его для серьёзной работы. Да и необходимых ресурсов сейчас нет, чтобы уже сегодня реализовывать заявленные стратегии, фактически – это определение политика на будущее. Показателен в этом пример той же КНР, у Китая множество других насущных проблем, решать которые нужно здесь и сейчас. Да, он объявил себя морской державой, в принципе, способен проецировать свою силу и на арктическую зону. Но Арктика по степени злободневности настолько мала, что говорить о том, что Китай будет предпринимать какие-либо активные действия, политические, экономические, военные, ради Арктики – слишком смело, по крайней мере, для сегодняшнего момента. Слишком много у Китая других проблем.

И.А. Толстокулаков: Я с Сергеем Александровичем в чем-то соглашусь, а в чем-то нет. Да, разумеется, страны СВА, разрабатывая и принимая (или не принимая) свою национальную стратегию в Арктике, думают о том, чтобы не упустить перспективную возможность...

С.А. Иванов: Не выпасть из процесса.

И.А. Толстокулаков: Да, абсолютно согласен. Однако в случае Кореи, в этой программе есть такие элементы, которые нужны Кореи уже сегодня. Те, что могут обеспечить дивиденды здесь и сейчас. Например, строительство судов ледокольного класса, которые они могут продавать и уже продают Российской Федерации. В прошлый раз мы говорили о девяти судах, проекты которых уже готовы, и была информация, что начинается их закладка в Пусане. Суда ледокольного класса – это во-первых. Укладывается это в концепцию арктической стратегии? Разумеется, и в то же время решает конкретные сегодняшние экономические проблемы.

Далее, позвольте напомнить, в прошлый раз мы говорили о том, что в этой же концепции есть создание на территории Южной Кореи нефтяного хаба, который обслуживал бы весь Азиатско-Тихоокеанский регион. Это есть не что иное, как результат нарастания экономической конкуренции с Японией. Это тоже дело сегодняшнего дня, напрямую связанное с ресурсами Арктики, разведанными и не разведанными. Что касается Северного морского пути, то он оказался включенным в Евразийскую инициативу, как элемент политической конкуренции с Китаем, а точнее с его растущим экономическим влиянием в АТР, с тем же проектом Шёлкового пути. Вы нам Шелковый путь, мы вам, пожалуйста, не только Транссибирская магистраль с Кореей соединим, но ещё и через Северный Ледовитый океан плавать начнем... В позиции Кореи я вижу ответ на сегодняшние проблемные вызовы. Теоретически, может быть, в арктической стратегии Южной Кореи все оформлено глобально и на перспективу, но конкретные шаги наряду с заявленными проектами, воплощаются уже сегодня.

Р.В. Колесник (Морской государственный университет им. адмирала Г.И. Невельского): Я хотел бы вернуться к арктической стратегии России. В принципе, работа идет на будущее: мы обустроиваем этот регион потому, что тот, кто построит там дорогу, тот и будет её контролировать и устанавливать

свои правила. Мы уже построили дорогу, создали необходимую инфраструктуру, обеспечили навигационную и аварийно-спасательную безопасность, медицинское и прочее обеспечение. Это длинный путь через обширное пространство, очень специфическое в плане физико-географических условий.

Сейчас здесь зреет тенденция по сокращению ледового покрова и уходу границы льдов туда, севернее. Это означает увеличение технических возможностей судоходства, возникает возможность применения обычных ледоколов или судов ледового класса, которые могут давить лед толщиной в 1,5 – 2 метра. Они смогут уходить в высокие широты, где-то 75 – 80 градусов с. ш. Иными словами, трасса СМП может уйти далеко за пределами наших территориальных вод и даже 200-мильной экономической зоны: севернее Северной земли и Новосибирских островов. Там и глубины позволяют ходить большим судам, контейнеровозам, танкерам. Эти суда уходят из прибрежной полосы, где нет льда, движутся в зоне, где есть маленький лед, который они могут преодолевать.

И здесь у России появляется серьёзная задача – добиться установки правил, которые не противоречат её национальным интересам. Важным направлением арктической стратегии России должна стать работа в международных организациях по установлению правил судоходства в арктической зоне, например, того же Полярного кодекса, который уже принят и действует. Важно предусмотреть возможность ужесточения национальных законодательств, особенно в экологическом плане, обеспечения обязательств для сторонних посетителей этой дороги: китайцев, корейцев, южноафриканцев, все равно кого. Это наша дорога, на ней должны действовать наши правила, ставшие Законом, но он должен получить международное подтверждение, обладать международным статусом. Для этого Россия должна быть активнее в организациях, наделенных правом принимать эти правила.

В.Л. Ларин: Точка зрения правильная, только захотят ли все ездить по нашему Закону?

Р.В. Колесник: Если что-то произойдет в зоне Суэцкого канала, а теоретических угроз здесь немало: организованным хаосом охвачен весь север Африки и Ближний Восток, транспортное сообщение между Европой и Азией через Суэцкий канал может быть нарушено. Ходить вокруг Африки или Южной Америки очень далеко, потому китайцы и начали рыть в Никарагуа альтернативу Панамскому каналу, им это выгодно и интересно. А в северном морском пути заключен наш интерес и наша выгода, мы можем дать глобальной экономике и политике свой альтернативный маршрут; значит, нам и определять правила.

В.Л. Ларин: Коллеги, ещё один вопрос: заметили, наверное, что стратегии у всех похожие, а деньги подсчитаны только японцами... А что другие?

И.А. Толстокулаков: Полагаю, что расходы считаю все.

В.Л. Ларин: Деньги считают все, но думают ли, как вложиться? Это интересно. Сколько стоит, например, наша арктическая стратегия?

С.К. Песцов: Что именно? У нас нет общей суммы на всю арктическую стратегию.

Ю.М. Зайцев: Она у нас «размазана» по ведомственным бюджетам.

С.К. Песцов: Есть некоторые цифры. Например, более 200 миллиардов рублей мы отвели на изучение и обоснование границ континентального шельфа. Остальные проекты: строительство дорог, портов и т. д. – реализуются госкорпорациями, у них и собственные, и государственные ресурсы.

В.Л. Ларин: Тогда вопрос упирается в то, во сколько в целом обходится нам Арктика. Может вообще нам не стоит вкладывать деньги впусую?

С.К. Песцов: Про Арктику в целом не скажу, но недавно международное консалтинговое агентство провело первую оценку рентабельности ряда проектов, в том числе проект «Приразломная». Оно пришло к выводу, что эти проекты и финансово неэффективны, и для общества весьма сомнительны с точки зрения возможности привнесения сюда каких-то благ. Полагаю, что в настоящее время (может быть, несколько преувеличивая) ни один арктический проект нельзя считать рентабельным.

В.Л. Ларин: С экономической точки зрения?

С.К. Песцов: Да, разумеется, с экономической точки зрения.

Р.В. Колесник: Добавлю по поводу рентабельности. Обратимся к историческому опыту. Более ста лет назад, когда встала проблема во взаимоотношениях между Россией и Японией, возник вопрос о переводе на восток военно-морских сил из Балтики. Одно из предложений касалось маршрута через Север, но что-то не сложилось: не знали, куда идти, опыта плавания по СМП не было. Решили идти югом и опоздали... Не всё упирается в деньги.

С.К. Песцов: Я нашел некоторые цифры. В 2003 г.в правительство Российской Федерации внесен проект Госпрограммы по развитию российской части Арктики. С её помощью к 2020 г. рассчитывали увеличить долю арктической зоны в ВВП России с нынешних 5 – 6% до 14%, объём перевозок грузов по Северному морскому пути предполагалось увеличить до 63,7 миллионов тонн, а среднедушевые доходы жителей увеличить более чем в 2 раза. Общая стоимость данной программы оценивалась в 1,7 триллиона рублей, бюджетные ассигнования в 2014 – 2020 гг. должны были составить примерно 623 миллиарда рублей. Однако программу не утвердили.

С.А. Иванов: Но сюда включаются также северные территории, не только компоненты арктической стратегии?

С.К. Песцов: Да.

В.В. Кожевников: Я не присутствовал на первом арктическом круглом столе, но сегодня с большим интересом прослушал все доклады. Хотел бы принять активное участие в дискуссии, но С.К. Песцов и в докладе, и в ходе обсуждения уже затронул многие российские проблемы, которые меня интересовали. Он был очень убедительным, обосновывая нерешенность многих вопросов в связи с Арктикой. Поэтому просто хочу обратить Ваше внимание на роман В.В. Конецкого «Никто пути пройденного у нас не отберет. Последний рейс». Автор сам постоянно ходил дублером капитана в северных походах и

удачно их описал. Его опыт может быть нам полезен для осознания глубины арктической проблематики. Ледовая обстановка там из года в год меняется непредсказуемо, северные льды, по В.В. Конецкому, просто непрогнозируемые, а уже инфраструктура побережья так сочно описана... Полагаю, что всё, о чём мы говорим, – это просто далекая перспектива, очень далекая.

В.Л. Ларин: Хорошо, коллеги, у кого ещё вопросы, комментарии?

Г.Н. Романова: В 1970–80-е гг. наше Дальневосточное морское пароходство активно занималось вопросами Арктики, была т. н. «полярка», сезон месяца три – четыре в году, когда завозили грузы и обеспечивали население Севера всем необходимым, а сейчас ДВМП ведёт подобную работу?

В.Л. Ларин: И есть ли оно, как таковое?

Р.В. Колесник: ДВМП существует, однако масштабы его не идут ни в какое сравнение с прошлым, тем не менее, оно есть и работает, и завоз полярный частично выполняет.

Ю.М. Зайцев: Да, завоз на Север никто не отменил, но дело в том, что все крупные ледоколы находятся частично в Антарктиде, частично на западе страны, и все они приписаны к Мурманску. У нас здесь, по-моему, всего три ледокола. Наши мощные ледоколы обеспечивают только восточный сектор Арктики.

В.Л. Ларин: Будем подводить итоги, кто готов?

В.И. Сергиенко (председатель Президиума ДВО РАН): Доклады, которые здесь были представлены, очень интересны, показывают состояние дел в разных странах и отношение наших соседей к проблемам Арктики. Мне кажется, что арктические амбиции Китая, Южной Кореи, Японии отечественной наукой и практическими специалистами учитываются не в полной мере. По моей информации, китайцы и корейцы выделяют весьма существенные средства на развитие научных исследований в Арктике. Их надежды нацелены, главным образом, на интернационализацию Северного морского пути, о чём сегодня шёл предметный разговор. Их цель весьма практична – обеспечить там себе комфортное положение. Они стремятся участвовать в проведении научных исследований Арктики, направляют на них денежные средства, готовят кадры за рубежом.

Изучая Арктику, соседние страны пытаются работать и с нами – с российским Дальним Востоком. Им нужен наш научный опыт и полученная информация, объём работ, которые мы провели в Арктике за пятнадцать лет, многократно превышает то, что сделано американцами и канадцами вместе взятыми. У нас создано около 3.000 станций, где проводятся пробы грунта, льда, мы исследуем тепловой баланс, ведём бурение с поверхности льда, работаем с вечной мерзлотой. Нами оценён вклад выбросов метана в текущие климатические изменения, ведётся постоянное наблюдение за состоянием арктической полыньи. Ряд работ ведётся совместно с Сибирским отделением РАН, другими российскими коллегами.

Сегодня мы не затронули участие стран Евросоюза в арктической проблематике, а немцы или норвежцы, например, постоянно «сидят» в Арктике. Они там присутствуют и зимой, и летом исследовательскими группами от 15 до

30 – 40 человек: студенты, аспиранты, известные ученые – масса народа... Направление их работы чрезвычайно широко: биология, отслеживание климатических изменений, состояние вечной мерзлоты и теплового режима и т. д. Они очень хотят добраться до бурения.

Уйти от сотрудничества с ними мы не сможем, и при разработке российской стратегии освоения Арктики обязательно нужно учитывать фактор и необходимость международной кооперации, особенно в научной сфере, причина кроется в чрезвычайной дороговизне научных исследований, которые проводятся на Севере. Последняя наша арктическая экспедиция стоила не менее 700 тысяч евро, её профинансировал Фонд Валленберга, но научная программа была нашей, руководители экспедиции наши, примерно третья часть участников – российские сотрудники, правда, ледокол шведский... Кроме россиян участвовали немцы, американцы, шведы, все понемногу.

Полагаю, что и с восточноазиатскими соседями можно реализовывать совместные научные проекты. Мы не можем ограничить их доступ в Арктику, но способны предложить программы под нашим началом, как это устроено с европейцами. Очевидно, что китайцы, корейцы и японцы создадут собственные ледокольные мощности и начнут проникать в высокие широты. Поэтому нам важно взять «под свое крыло» хотя бы научную часть и, если не контролировать, то, по крайней мере, чуть-чуть управлять данным процессом. Ещё важно не запускать иностранцев в Арктику, туда, где нам не хотелось бы видеть иностранцев. Я наблюдал, как велась в конце 1990-х гг. работа с японцами, когда они внедрились в Охотское море. Японской экспедиции дали разрешение входить во все проливы. Вопрос: зачем мы это делали, зачем это нам было нужно? Ну как же, пришло судно, пусть зайдет, посмотрит, а это – единственные проливы, по которым подводные лодки могут выйти из Охотского моря в Тихий океан...

И сейчас точно так же американцы и канадцы с участием наших организаций проводят работы в проливе возле о. Геральд, а это – выход из Тихого океана в Северный Ледовитый океан и единственное глубокое место, где лодка может проскочить незаметно. Иностранцам дано разрешение поставить буи в нескольких местах пролива... Примеры такого безобразия, когда, абсолютно не сообразуясь с интересами российского государства, даётся свобода иностранным исследователям, можно приводить ещё и ещё. Им даже разрешили ставить свободно плавающие буи в Арктической зоне, и мы не получаем от этого никакой информацию.

Когда проводятся международные экспедиции с нашим участием, российская сторона в обязательном порядке получает полный комплект документации научной информации для собственной обработки. А когда выдается разрешение для работы зарубежным «партнёрам», чаще всего мы и не знаем, чем они там занимаются. Чтобы восполнить данный пробел, мы должны сами организовывать экспедиции и добыть ту же самую информацию.

Определяя стратегию России, не следует забывать о наших интересах, в том числе научных. Нужно быть более решительными, окончательно определиться с тем, что в 12-мильную зону иностранных партнёров не пускать. У нас будет

навигационное оборудование для обеспечения безопасности проходов, мы создадим базу для спасения в случае чрезвычайных ситуаций, для оказания медицинской помощи. Все будут вынуждены пользоваться услугами России, никуда от этого наши партнёры не уйдут, и в этом наше преимущество. А в части научной программы российские интересы можно обеспечить за счёт минимизации свободного участия в проектах иностранных партнеров. Обойтись вовсе без контрактов с ними мы не можем: не хватает финансов и оборудования, некоторого просто нет.

В.Л. Ларин: Спасибо. Полагаю необходимым напомнить, что сегодняшний круглый стол посвящен национальным арктическим стратегиям, а по состоянию научных исследований мы говорили в прошлый раз. При этом Европу представлял специалист из Норвегии.

Позволю себе подвести итог нашей работы. Мы выявили общность национальных стратегий освоения Арктики. Общее в их содержании очевидно. Я не буду говорить о стратегии российской, потому что у нас ситуация иная, чем в странах СВА. Американцы не очень активно проявляют себя в Арктике, как подчеркнул В.Е. Болдырев, они считают, что держат все под контролем, да Арктика сегодня для них не главное.

Нам интереснее наши ближайшие соседи: Китай, Корея, Япония – складывается впечатление, что в этих странах идет подготовка, накопление ресурсов для последующего плотного участия в освоении Арктики. Если же сравнивать Китай, Корею и Японию, то готовятся они по разным направлениям, прежде всего, идёт серьёзная научная подготовка, накопление информации, формирование базы данных, подготовка кадров, о чём подробно говорил В.И. Сергиенко. Цель – в любой момент быть готовым к активной деятельности в Арктической зоне.

Второе направление – это глубокая разведка возможностей экономического порядка, включая разработку конкретных проектов. Идёт изучение хозяйственного потенциала Арктики, накапливаются технологии, разрабатываются экономические проекты. Трудно говорить о том, что реально сегодня делается конкретно, в основном мы отмечали разработку национальных стратегий, активную научно-исследовательскую работу, пожалуй, что-то делают военные, разрабатывают свои планы, но заглянуть в них у нас не получится. Они обязаны это делать, потому что в регионе сходятся стратегические интересы и проблемы обеспечения национальной, энергетической, продовольственной и прочей безопасности ряда стран.

Третье направление – экологическая составляющая. Мы её сегодня затронули не очень глубоко, но от Арктики зависит экологическое состояние всей планеты, особенно её климата. Это касается всех, те катаклизмы, которые наблюдаются в последнее время, в значительной степени связаны с проблемами Арктикой. И здесь мы можем видеть потенциальное лидерство России, о чем говорил В.И. Сергиенко. Мы реально являемся лидерами в исследовании Арктики, Россия занимается этим более ста лет, очень серьезно, комплексно. Да, в 1990-е гг. что-то мы потеряли, но потенциал остаётся. Уверен, что наши информационные базы по Арктике такие, каких у других государств ещё очень

долго не будет. Одна из главных задач не только сохранить, но и укрепить лидерство России в научно-исследовательском познании Арктики. Должна быть поставлена именно такая задача; при этом необходимо развивать международное сотрудничество, но российский опыт и кадровый потенциал для исследования Арктики, наша научная арктическая школа дают надежду на сохранение приоритета. Поэтому необходимо широкое участие РАН в разработке и реализации арктической стратегии России.

Ещё раз повторю: главной идеей должно быть поставлено лидерство России в международных исследованиях Арктики. Как это обеспечить, каким путем, как заставить других пойти за нами – вот генеральная задача, и решить её можно не только открытой для всех стратегией, но и за счёт её «закрытых» разделов.

В.И. Сергиенко: Если позволите, одну небольшую ремарку по этому поводу. Мне хорошо знаком Институт Аляски в г. Фэрбенксе (Fairbanks), включающий Геофизический институт и Международный арктический исследовательский центр, который когда-то создавался совместно американцами и японцами. Финансирование данного центра было примерно на 60 – 70% со стороны Японии. Так вот, в последние годы японцы сворачивают его финансирование. Сегодня центр стоит пустой, нет японских «постдоков», нет китайских аспирантов, нет специалистов из Норвегии, там вообще практически никого нет. Сидит Володя Романовский, заведующий лабораторией мерзлотоведения, выпускник МГУ, у него в лаборатории тринадцать человек, двенадцать из них говорят на русском и только один американец. Центр занимался международными исследованиями по всей Америке, а также в Канаде. Почему японское финансирование сворачивается? Может быть, Япония приняла решение развивать самостоятельные исследования в рамках принятой арктической стратегии, а не вкладывать средства в международные проекты, которые Япония не контролирует.

И.А. Толстокулаков: Я бы к озвученным выводам добавил определенную тенденцию к попытке изменить правовой международный режим, сначала – в отношении Северного морского пути, а затем, может быть, и к Арктике в целом. Она существует, и я боюсь, что в данном направлении Япония, Корея и Китай будут выступать единым фронтом и давить на Россию. Задача изменить правовой международный режим в Арктике открыто так не формулируется, но эта идея вызревает и будет продвигаться.

С.К. Песцов: Арктическая пятерка категорическим образом заявила, что существующего международного права достаточно для того, чтобы решать всего проблемы Арктики, дополнительных вещей нам не надо.

И.А. Толстокулаков: Однако в стратегиях наших стран: Китая, Японии и Кореи – это присутствует.

В.Л. Ларин: Скажем так: мы можем во многом ругаться с американцами, но здесь мы с ними солидарны: не пустим. Ну, что ж, коллеги, большое всем спасибо за участие в работе круглого стола.